

врачи+врачах

КРУГОВАЯ ПОДТЯЖКА

ИРИНА
СТЕПАНОВСКАЯ

Ирина Степановская
Круговая подтяжка
Серия «Доктор Толмачёва», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522845
Круговая подтяжка : роман / Ирина Степановская.: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52123-4

Аннотация

Далекие от медицины люди считают, что пластическая медицина существует для богатых скучающих дам, не желающих мириться с морщинами, или для звезд, чьё положение обязывает быть вечно молодыми.

На самом деле пластические хирурги ещё и восстанавливают лица после тяжелейших ожогов и травм.

Именно такие операции были интересны пластическому хирургу Владимиру Азарцеву. Он мог сделать невозможное - лица, напоминавшие страшные маски, вновь становились живыми, исчезали уродливые рубцы и шрамы. Азарцев верил, что перемены во внешности дают его пациентам шанс начать новую жизнь.

Если бы он знал, какие крутые перемены ожидают его самого!

Ранее роман издавался под названием «Экзотические птицы».

Содержание

1	4
2	10
3	14
4	16
5	26
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Степановская

Круговая подтяжка

Больной вбегает в кабинет к врачу.

– А-а-а-а! Доктор, доктор, что это у меня там такое?

– Не волнуйтесь, больной, успокойтесь. Покажите. Где? А-а-а-а! Что это у вас там такое?!

Из врачебной практики

1

Давление опять упало практически до нуля. Толчки сердца не прослушивались, компьютерный мозг вычерчивал на экране прямую линию. Тина дала разряд, Аркадий навалился на грудную клетку больной и ритмично стал нажимать на ребра. Кости хрустнули в нескольких местах, и Тина закричала:

– Осторожней, ты что! Мишка за сломанные ребра размажет нас на патологоанатомической конференции так, что сами костей не соберем!

– А что я могу сделать, если у пожилых женщин кости ломаются сами собой? Я и так давлю еле-еле. Иначе сердце не запустить.

– Еще даю разряд! – сказала Тина, и на коже грудной клетки, ниже сморщенной старческой молочной железы, появилось новое красно-бурое круглое пятно. Но экран упорно высвечивал прямую линию. Валентина Николаевна почувствовала, что покрылась потом и не может вдохнуть. Ей стало казаться, что это она сама лежит в палате реанимации, маленькая, сморщенная, худая, и из носа и изо рта у нее торчат белые полиэтиленовые трубки.

– Все, мы ее теряем, – донесся голос Барашкова.

– Ну неужели ничего нельзя сделать? – хотелось громко закричать Тине, но она не смогла и стала беспокойно перебирать в воздухе руками, мычать, трясти головой, пытаюсь освободиться от трубок, что-то понять, объяснить и позвать кого-нибудь на помощь, но все было зря.

«Я сейчас умру», – решила она и почувствовала, как покрывается липким потом паники. В следующий момент над ней высоко проплыли лица мамы, отца, сестры Леночки, потом мужа и сына.

– Пустите меня! – закричала она, но вместо крика у нее вырвалось рыдание, по щекам заструились слезы. Кто-то начал ее трясти. – Пустите! Мне больно! – замычала Тина и вдруг, услышав над собой какой-то голос совсем из другого мира, поняла, что она жива, спит и ее опять мучает привычный кошмар. Она с трудом разлепила веки. Ресницы были влажны. Да, она действительно плакала во сне.

– Тина! Очнись! Уже почти полдень!

Как давно она не видела мужчину, что стоял сейчас перед ней? Три дня? Неделю? Или больше? Она не могла вспомнить. В ее комнате царил беспорядок и полумрак, на любимых когда-то шкафах из карельской березы лежал по меньшей мере месячный слой пыли, золото-сиреневые ирисы на стеклах буфета, казалось, увяли. Из окна доносился унылый звук, похожий на стук дождя, а рядом с ее измятой постелью стоял Владимир Сергеевич Азарцев – совершенно чужой, в новой, незнакомой ей куртке. С выражением недоумения и брезгливости на лице он осторожно держал двумя пальцами за горлышко почти пустую бутылку из-под красного вина. Этикетка была заляпана бурыми потеками. Азарцев поглядел бутылку на свет.

– Кажется, портвейн, – произнес он. – Слава богу, не «Агдам». Какой-то чуть-чуть получше. Но ты даже не потрудились достать бокал. Пила прямо из горлышка.

– Это всего лишь на ночь, – ответила Тина и вздохнула. Кошмар медленно высвободил сознание, и хотя с трудом, но она вернулась в действительность – в свою комнату, в шум дождя, который лил, не переставая, со вчерашнего вечера. В груди еще продолжало теснить, и хотелось дышать глубоко, как после бега на стометровку. Азарцев переместил взгляд с бутылки на нее и весьма красноречиво, осуждающе замолчал.

– Я пью только на ночь, вместо снотворного. – Тина продолжала говорить, чтобы только он отстал, хотя все, что она произносила, было правдой. Ей надоело оправдываться. Это был не первый подобный разговор: она пыталась ему объяснить, пыталась. Но он не понимал, насколько ей страшно. – Мне снятся кошмары. Каждую ночь. Они меня мучают. Я боюсь спать. – Теперь она говорила это равнодушно, бесцветным голосом и как-то вскользь подумала, что надо бы опустить голову, чтобы Азарцев не видел ее распухших век – в последние месяцы Тина выглядела отвратительно. И еще нужно быстро встать, уйти в ванную, там плеснуть в лицо холодной водой и хотя бы расчесать волосы, но вместо этого она лежала в своей фланелевой застиранной ночной рубашке, неподвижно, не в силах шевельнуться.

«Ну и пусть! – сказала она себе. – Пусть видит! Пусть оставит меня в покое. Я погибший человек. Моя жизнь пошла прахом, коту под хвост!» Где-то внутри слабо пискнул ее детский голосок: «Зачем? Зачем ты все портишь? Почему не ценишь его? Чем, как не заботой, можно объяснить, что он не бросает тебя, приходит по утрам, заезжает днем, хотя ему нужно торопиться в клинику, – и все для того, чтобы не дать тебе окончательно спиться?» «Пусть не приходит, – подумала она. – Я не хочу».

– А ты еще помнишь, – сказал Тине Азарцев с нажимом на последних словах, – что у женщин ниже, чем у мужчин, естественный уровень фермента алкогольдегидрогеназы? Поэтому они спиваются чаще и быстрее мужчин.

Тину унизило это «еще помнишь».

Азарцев подошел к окну и раздернул шторы. Тине бы хотелось, чтобы за окном цвела весна, как та, двухгодичной давности, когда они с Азарцевым снова встретились. Но та весна безвозвратно прошла, как проскочили потом за ней лето и осень, и очередная зима, кстати, на редкость теплая. И повторился новый круг весны и лета, уже не такой радостный. И теперь в окно опять противно, мелко стучит настоящий осенний дождь.

«Какое тебе дело до моей алкогольдегидрогеназы?» – зло, упрямо хотела спросить Азарцева Тина. Все тело ее сковало ледяным холодом, небо и язык невозможно сушило, и все ее мысли были сосредоточены на том, что, как только Азарцев уйдет, она доберется до остатков вина в бутылке, и тогда ей станет немного легче.

– Надо встать и умыться! – Азарцев сдернул с нее одеяло. Теперь он не смотрел на нее, но Тина знала, что боковым зрением он все равно может видеть, как задралась на ней старая байковая рубашка и обнажила отекавшие ноги и смятую простыню с заплаткой посередине.

«Пусть уходит сегодня. – решила Тина. – Ни к чему притворяться и нечего больше терять».

– Не встану, пока не уйдешь, – сказала она. – Я хочу жить так, как хочу. Отдай одеяло. Я мерзну.

Азарцев, ни слова не говоря, взял одеяло, бутылку, унес их в кухню, ушел туда сам, и вскоре Тина услышала шум текущей из раковины воды.

«Варит кофе, – подумала она. – Я не хочу кофе. Какого черта?» – мысленно она проследила путь унесенной бутылки, наверняка поставленной теперь в кухне на стол, и машинально облизала пересохшие губы.

– Послушай, принеси мне из ванной халат, – попросила она и, как только Азарцев прошел в ванную, стараясь не шуметь, как можно быстрее вскочила с постели. При этом ее кач-

нуло, она пролетела вперед, уцепившись за косяк, чтобы не упасть. Из незаклеенных окон по ногам зверски дуло, но сейчас ей было на это плевать. Бутылки на столе не было. Тина лихорадочно огляделась и обнаружила ее в мусорном ведре, а в раковине розовели следы мутной жидкости. Оказывается, на дне бутылки был осадок. Но его, между прочим, тоже можно было пить. В гневе она обернулась. Азарцев стоял за ее спиной, с халатом в руках и, проследив направление ее взгляда, горько усмехнулся, разгадав ее хитрость.

– Сейчас будет готов кофе, – сказал он.

– Ты! – бросилась на него с кулаками Валентина Николаевна. – Ты! Мразь! Зачем ты выпил мое вино! – Ее трясло от ярости. Она не контролировала себя, ничего не соображала, кроме того, что в перевернутой бутылке ничего больше нет. – Ты думаешь, я алкоголичка? Что я ничего не соображаю? Не понимаю, что ты строишь из себя Христа? Хочешь быть передо мной чистеньким? – Она налетела на него в гневе и, не осознавая, что делает, начала колотить его изо всех сил по груди, плечам, старалась попасть по лицу. Он толкнул ее, защищаясь, одним коротким движением руки, и она отлетела назад, ударилась о край стола, больно ушибла ногу и хотела кинуться на него снова. Но он схватил наполненную водой турку и выплеснул с размаха холодную воду ей в лицо. Это ее остановило. Дико, страшно взвывая от бессилия и унижения, она обняла голову руками и опустила на пол. Азарцев смотрел на нее, как смотрят на душевнобольных – с сожалением и горечью. Вот она сидит перед ним на грязном, давно не мытом полу, покрытом старым зеленым линолеумом, в застиранной, задравшейся рубашке, некрасиво расставив опухшие ноги, и воет, воет, засунув руки в нечесанные, давно не крашенные, тусклые волосы. Азарцев с горечью подумал, что ничего в этой опустившейся женщине не осталось от собранной и молчаливой Валентины Николаевны Толмачёвой, заведующей реанимационным отделением большой больницы. И уж тем более не осталось в ней ничего от той тоненькой девушки в серебристом платье, что пела когда-то Шуберта, стоя впереди институтского хора на торжественных вечерах в их студенческую пору.

Продолжая сидеть на полу, Тина внезапно перестала скулить и стала стряхивать своими маленькими ручками, которые он раньше так любил целовать, капли воды с головы, лица, шеи и ругалась, ругалась, ругалась, неизящно кривя рот, кляня свою судьбу, «мужиков», и своего бывшего мужа, и его, Азарцева. Он подумал, что, пожалуй, больше ничего не может сделать для нее, разве что поднять с пола, чтобы она не простудилась. Но тогда она, пожалуй, снова могла в ярости броситься на него, а драться с ней ему было бы тошно. Хватит и того, что он приходил сюда с завидной регулярностью почти целый год, с тех пор как она ушла из его клиники. Приходил для того, чтобы уговорить ее начать работать хоть где-нибудь и больше не пить. Но она не хотела его слушать.

Азарцев напоследок внимательно посмотрел на сидящую на полу Тину, чтобы лучше запомнить ее раздутое, искаженное лицо и больше никогда уже о ней не жалеть, потом повернулся и вышел из квартиры, тихо, но плотно закрыв за собой дверь, как делают обычно, уходя навсегда. И Тина, не видя, почувствовала, что он ушел.

Она замолчала, ощутив усталость, опустошение, но в то же время и странное удовлетворение оттого, что она снова одна в своем доме, в своем прибежище, что ей ни с кем не надо говорить, что не перед кем оправдываться. Она медленно, сгорбившись, поднялась с пола, прижала руку к груди, ибо ощущала за грудиной какое-то неприятное жжение, прошла босиком в коридор, нащупала сумку, вытряхнула из кошелька деньги, посмотрела, не завалилось ли несколько монеток на дно, за подкладку и в боковой карман. Она тщательно несколько раз пересчитала все, что нашла в сумке и в кармане старого плаща, и подумала, что денег немного, но еще пока хватит. А значит, ей необязательно идти сегодня в переход торговать газетами и она может не выходить на улицу, весь день пробыть дома, в постели. «Что будет завтра – время покажет, – сказала себе Тина. – Хорошо бы снова остаться дома. А

может быть, день не наступит вовсе? Это было бы решением всех проблем». Она подумала о родителях, о сыне. Их жалко, они будут переживать. Но она запретила себе эти мысли – ей было важно, чтобы время растянулось, размякло, как жвачка. Ей хотелось насладиться сладкой теплотой старенького одеяла, горой книг возле подушки, которые можно лениво перелистывать или не трогать совсем, зная, что спешить некуда. Даже на кухню можно не выходить – там холодно и неудобно. В синей вазе с пестрыми петухами давным-давно уже нет цветов. Да и зачем они? Лишние хлопоты. Все равно завянут, как всё и все. Только еще воду каждый день надо менять. Готовить еду? Можно вовсе не есть, особенно если во вчерашней бутылке останется хотя бы немного сладковатой, дурманящей влаги.

«Он думает, что я алкоголичка. Ну что же, пусть думает, если ему так легче. Еще неизвестно, что лучше – стакан вина на ночь, чтобы уснуть, или горсть транквилизаторов, чтобы не проснуться. Я и так их уже достаточно попила. Не сама придумала – к невропатологу ходила. По месту жительства. Очередь выстояла два с половиной часа. Удовольствия никакого. Сны от этих таблеток еще только гаже, а руки все равно трясутся, будто от водки. Негодяй Азарцев, еще посмел спрашивать про алкогольдегидрогеназу! Помню ли я!»

Да она все помнит. Лучше бы забыть! Как она была счастлива первые полгода, продавая газеты! Никакие сны ее не мучили. А потом началось. Будто сглазил кто. А он еще уговорил ее тогда все-таки пойти работать в его долбаную клинику. И она пошла. Зачем, спрашивается? Только мучилась! Лучше продавала бы газеты! Или холодильники, или стиральные машины... Так нет, бес попутал, по профессии заскучала.

Как он говорил? Газеты может продавать каждый, а ты в своем деле очень хороший специалист. Можешь все, как господь бог. Только что же тогда не защитил он такого ценного специалиста?

«Медицина – вторая жизнь, – размышляла Тина, стоя на кухне будто в оцепенении. – Или первая. Или единственная. Господи! За что ты мучаешь меня этими снами? Почему каждую ночь просыпаюсь я по несколько раз в холодном поту от бессилия, от невозможности никому помочь. Господи! Ведь вылеченных больных, тех, кому я реально помогла, – их было гораздо больше, на порядок больше, чем тех, кому помочь было нельзя. За что же ты мучаешь меня, господи, кошмарами, в которых все, все, все мои больные от разных причин, при разном стечении обстоятельств каждую ночь погибают. Только погибают...»

Газеты, которые она продает... В каждой есть медицинский раздел. Как ни считаешь какой-нибудь очерк, так сразу и кажется, будто врачи у нас сплошь садисты, идиоты и неучи. Заморить больного им, что стакан воды выпить. Раньше, когда она работала в больнице, ей было некогда читать газеты. А потом, в переходе, стала читать от нечего делать. Боже, зачем ты вкладываешь перо в руки людям, которые не в силах разобраться, что к чему...

Нет! Никогда она больше не пойдет в медицину. Господи, как ты несправедлив! Эти ужасные вечера... Когда она сидит одна дома в квартире и ей явственно слышится, что ее зовут! Она слышит голоса. То Ашот зовет ее зачем-нибудь в палату, то Валерий Павлович гудит, читая вслух медицинский журнал, то Барашков травит какой-нибудь анекдот, то Таня с Мариной обсуждают фасон нового платья. Только голос Мышки почему-то не слышит она никогда. Будто Мышки никогда не было!

Она не говорит никому о том, что слышит. Скажешь, еще упекут в психушку. Валерия Павловича она во сне видит часто. То ей снится, как она бежит к нему, раненному, лежащему на кафельном полу в той самой палате, но во сне не может его даже перевязать, зажать рану, потому что все у нее валится из рук. То ей видится, что вместо нее к Чистякову бежит Барашков, и тогда она счастлива, но только на миг – Аркадию удастся спасти Валерия Павловича, однако через секунду ей уже снится, что после всего доктора собираются в ординаторской

¹ О бывших коллегах Валентины Толмачевой можно прочитать в книге «Реанимация чувств». М.: Эксмо, 2011.

и глядят на нее с укором, их голоса гудят нестройным хором: «Что же ты ничего не знаешь и не умеешь?» Но еще чаще Тина видит безымянных больных, тех, чьи лица ей совсем не знакомы. Их везут и везут, они заполняют палаты и коридоры, и она мечется между ними, не в силах помочь. Сестры не слушают ее приказаний, руки ее дрожат, она не может попасть в вену, не понимает показаний приборов, не может выговорить названий лекарств, и опять все, кто находится рядом, смотрят с укором, с неммым вопросом: «Что с тобой, Тина? Нет, ты кто угодно, но больше не врач. Ты ничего не можешь».

Так каждая ночь проходила в поту, в слезах. Но бывало, что она вовсе не могла уснуть. Лежала до рассвета в кровати, но сон не шел, в памяти мешались лица больных, истории болезни, врачебные конференции, знакомые голоса. Под утро она так уставала от воспоминаний, что казалось, вот закроет глаза – и провалится в сон. Нет, куда там. Сон без сновидений теперь для нее был невысказанной роскошью. Удивительно, как она могла раньше спать в автобусах, в самолетах, урывками на продавленном диване в холодной, неудобной ординаторской. Какая роскошь!

Вернуться бы на этот диван! Сколько бы она отдала, чтобы опять очутиться там, прилечь, быстро заснуть и спать, сколько захочет! Что за попытка! Неужели бессонница – расплата за ее грехи?! А так ли уж много она грешила...

Иногда ей снилась ее последняя работа. Всегда одинаковый сон. Роскошная комната, много народу. На полу шикарные растения ярусами в горшках из испанской майолики. На низких столах орхидеи в вазах. В углу комнаты – золоченая клетка, в ней прыгают и щебечут пестрые, незнакомые, с яркими хвостами и хохолками на головах, никогда не виданные Тиной ранее экзотические птицы.

В комнате среди людей – больных и персонала – они стоят втроем: Азарцев, его бывшая жена Юлия и она, Тина. Дальше всегда одно и то же: о чем ни идет разговор, Азарцев принимает сторону Юлии. И тогда Тина от ревности с яростью вцепляется в Юлино красивое, холеное лицо. В Тининых снах лицо у Юлии всегда одинаковое, такое же, как наяву, – гладкое, будто фарфоровое, холодное, красивое, улыбающееся с издевкой. Тине хочется его разбить. Она нападает. Ее оттаскивают. Шум, крик, летят на пол и разбиваются вазы с цветами, выплескивается на ковры вода, орут в клетках птицы. «Какой скандал в фешенебельной клинике!» – судачат больные. А Юлия смеется, хохочет, выставляя напоказ роскошные искусственные зубы. Тине никогда не удается дотянуться до ее кукольного лица – ее неизменно удерживает Азарцев.

– Ты не права, – говорил он ей. – Ты должна извиниться!

– Но почему я всегда не права? Не буду извиняться! – кричит Тина. – За что?

– Как хочешь. – Азарцев равнодушно пожимает плечами, берет под руку Юлию, и они уходят, поднимаясь по широкой деревянной лестнице на второй этаж, туда, где наяву располагаются операционные. Во сне же Тине кажется, что поднимаются они в спальню.

– А как же я? – кричит им во сне Тина. – Ведь ты любил меня? Ты сам привел меня сюда! Что будет со мной?

– Ты просто дура! – обернувшись на лестнице, кривится в улыбке Юлия. Ее высокие каблуки стучат, вбивая звуки, как гвозди. Размеренно – цок-цок! И вот Юлия с Азарцевым удаляются и исчезают. А все в комнате – и люди, и птицы – все без исключения смотрят на Тину строго и с осуждением. «И-ди-от-ка!» – орет ей в лицо попугай. И Тине хочется исчезнуть, уткнуться куда-нибудь в щель, в окно, просочиться сквозь потолок. Иногда во сне это удается. Иногда же люди в комнате набрасываются на нее, валят на пол, топчут ногами. Птицы, вырываясь из клеток, клюют ей голову. Но так или иначе кошмару всегда наступает конец.

После таких снов Тина никогда не плакала – она просыпалась уставая, злая, и, когда Азарцев приходил к ней наяву, не могла понять, в самом ли деле он хочет помочь или только

демонстрирует благородство: не бросает ее из жалости. Ночевать он не оставался, и она из гордости никогда не спрашивала его теперь, куда же он уезжает от нее – в свой старый дом, где она не раз бывала, или на ту квартиру, где живут Юлия и Оля, их с Азарцевым дочь. Для Тины эти мысли были невыносимы.

– Не хочу, чтобы ты оставался у меня! – Последние полгода она говорила так много раз. – Зачем? Ты ведь все равно рано или поздно уйдешь. Так уходи сейчас, я устала.

Сегодня он повернулся и ушел сам.

Ну что же, она сама этого хотела. Тем лучше. Но все-таки, пройдя в прихожую и накинув цепочку на дверь, Тина горестно вздохнула, ибо в дальнем уголке ее сознания все-таки раздался слабый сигнал о том, что такая позиция опасна, вредна, не жизнелюбива. Но Тина быстро подавила этот сигнал, вернулась на кухню, вытащила из шкафчика под окном записочку – наполовину еще полную, сделанную в виде фляжки бутылочку армянского коньяка. Тина берегла коньяк, он действовал на нее лучше вина. Иногда она пополняла запасы – как правило, это было в те дни, когда удавалось заработать побольше. Коньяк она пила только тогда, когда ничего другого в доме не оставалось, – здесь она еще могла себя контролировать. Сейчас был как раз такой момент. Она вытащила деревянную пробку, сделала полный глоток. Коньяк обжег пищевод и желудок.

«Все равно, – сказала она себе. – Пусть будет так». Если бы ей удалось еще хоть немного поспать без сновидений! Она схватила одеяло и потащила его назад из кухни. Она хотела быстро, не теряя времени, пока не наступило оцепенение, снова под него забраться, но почувствовала, что мокрая ночная рубашка на животе и груди противно холодит кожу. Это ощущение могло испортить все наслаждение, к тому же ноги у нее тоже замерзли, что, в общем-то, было и неудивительно, потому что она как соскочила с постели, так и стояла босиком на холодном полу. Тина решила сначала принять ванну. Слава богу, из крана тек почти кипяток. Мыть ванну не хотелось, и в доме не было ни геля для душа, ни пены, но все-таки это ее не остановило. Тина напустила как можно больше воды и, когда залезла в ванну и улеглась, наконец с удовольствием почувствовала, как напряглась пупырышками кожа, как замерло сердце, и внутри нее начало подниматься тепло, обещающее жизнь.

2

Азарцев ездил теперь в свою клинику на «Пассате». «Фольксваген Пассат», не новый, но из последних моделей, он купил по случаю у знакомого, занимавшегося перегонкой машин из Германии. Для того чтобы развозить больных, была куплена новенькая японская машина. Ее водил шофер, который раньше возил домой Юлию, теперь работавшую в клинике в качестве заместителя директора и заведующей лечебным отделом. Теперь Юлия сама была за рулем хорошенького синего «Пежо».

– От меня не так просто отделаться! Так и знай! – говорила Юлия бывшему мужу. – К тому же у нас растет дочь, и твоя забота обеспечить мне стабильно высокие доходы. А ты хоть и директор, но тебя любой авантюрист может обжулить. За тобой нужен глаз да глаз, иначе все дело может пойти прахом! И если ты у нас единственный и ведущий хирург, то должен сидеть на месте, важно надувать щеки, уговаривая больных на операции, и хорошо их оперировать. А материальной частью предоставь заведовать мне.

Когда Азарцев разговаривал с Юлией, на него всегда находила какая-то вялость – он не мог обойтись без бывшей жены, но при этом отчетливо осознавал, что та его подавляет. Когда она смотрела на него, ему всегда чудилась в ее глазах какая-то затаенная усмешка.

«Я твоя жена...» – с этих слов она всегда начинала любой разговор и то по-хозяйски поправляла на нем галстук или воротник рубашки, то сдувала пылинку с его рукава. Он этого терпеть не мог.

Азарцеву всегда хотелось уточнить: «Бывшая жена!» Но Юля не давала ему вставить и слова.

– Я никогда не давала тебе плохих советов, – заявляла она. – И если бы ты слушал меня, тебя не подсадили бы на том, прежнем, строительстве. Ты не забыл, с чьей помощью ты чудом избежал тюрьмы?

– Ну при чем тут это? – сатанел Азарцев. – Подставить можно кого угодно.

– Однако же твой так называемый друг прекрасно царствует на твоём месте до сих пор, и его пока никто не подставил. – На этой неизменной ноте Юля поворачивалась на тонких каблуках и уходила, засунув руки в карманы до хруста, до озноба накрахмаленного халата.

Азарцев молча глядел ей вслед. В том, что он построил отличную больницу для другого, она была права. Его тогда действительно подставили, и он с трудом выкрутился, натерпелся страху. Не мог представить себе, что его посадят. Он всегда стремился быть честным, себе не взял ни копейки. Но как было не найти нарушений при наших законах и миллиардном строительстве?

А Юлия была хороша. Недавно она постриглась у какого-то знаменитого парикмахера и выкрасила от природы каштановые волосы в черный цвет. Теперь они лежали у нее на голове модной «шапочкой», блестящие, цвета воронова крыла. Быть женщиной-вамп редко кому идет. Юлии это подходило стопроцентно и было отражением ее жизненной сути. На ее постоянно и ненатурально загорелом лице ярко алела помада, распахнутые с помощью операции бледно-голубые глаза широко смотрели на мир. Через специальные линзы они проливали на собеседника потоки света, и под впечатлением этих брызг многие пациентки просто с ума сходили, мечтая о таких же глазах, о таком же потустороннем взгляде. Перед операцией они так и говорили:

– Сделайте мне такие же глаза, как у Юлии Леонидовны.

С помощью диет Юля довела свою талию до окружности шестьдесят пять сантиметров, а с помощью самого современного имплантата нарастила грудь до третьего размера. Сам Азарцев год назад потел за операционным столом над ее коленями и бедрами, ибо Юля улеглась под его скальпель первой, «для почину», как она сама говорила. И теперь она демон-

стрировала достижения современной косметологии – начиная с головы и почти до пят. Она склоняла Азарцева поработать в будущем году над ее лодыжками – что-то ей перестал нравиться их объем. Азарцев не мог разговаривать с ней на эту тему спокойно, но нужно было отдать Юлии должное: своей внешностью и поведением она очень умело привлекала в клинику новых пациентов, а самое главное – была матерью их общей дочери, девочки хоть уже и достаточно взрослой, студентки, но все еще не нашедшей своего места в жизни. И потом, Азарцев не мог отказаться от профессиональных услуг своей бывшей жены – пока они работали вместе, он держал связь и с дочерью. Личная жизнь Юлии его не интересовала, но она всегда говорила Азарцеву, что она у нее богатая. Когда она только ухитрилась? Врала, наверное. Насколько понимал Азарцев, время от времени появлялись у нее какие-то мужчины, но так же быстро и исчезали. Жизнь Юлии протекала на работе, времени на любовников было мало, а с учетом длительности всех ее послеоперационных периодов и того меньше.

Сама же Юля с маниакальной настойчивостью подчеркивала при коллегах свою близость к «директору», как теперь все называли Азарцева. Она же внушала всем без исключения сотрудникам женского пола, что Азарцев давно и прочно «занят». Женат. На ней. И поэтому у них одинаковые фамилии. Любые знаки внимания к «директору» Юля подавляла в самом зародыше. Азарцев хранил по этому поводу молчание – еще не хватало, чтобы в клинике начались разговоры, обсуждение его личной жизни.

– Только не обращай на Юлю внимания, – миролюбиво говорил он Тине, когда та все-таки согласилась работать у него. – Она баба бешеная, но тебе она не сможет причинить никакого вреда! Ведь я тебя люблю!

Как он был наивен! Для того чтобы сожрать Тину, Юлии не понадобилось долго работать вставными челюстями – оказалось достаточно одного жевка.

Хрусть – и Тина, никогда в жизни не встречавшая на своем пути таких женщин, как Юлия, тут же положила Азарцеву на стол заявление об увольнении. Случилось это спустя месяц после того, как она начала работать в его клинике.

– Я лучше буду по-прежнему торговать газетами в переходе, – сказала она, прощаясь. – Но положить всю оставшуюся мне жизнь не на дело, а на то, чтобы бороться против каких-то глупых интриг, я не намерена.

Юля встретила известие о ее увольнении громким хохотом.

– Кишка у нее тонка здесь работать! Даром в жизни ничего не достается. Хочет жить, и не только жить, но и кушать хлеб с маслом, пусть привыкает вертеться! – И она кокетливо распахнула во всю ширь свои бледно-голубые глаза. – Здесь не государственная богадельня, и за такую зарплату, которую ты ей назначил, ей пришлось бы в своей больнице пахать года три. Подумаешь, анестезиолог высшей категории! Вот уж великий специалист! У нас здесь все не ниже кандидатов наук!

Азарцев вспомнил, как Тина доказывала Юле, что новомодная процедура глобального очищения системы пищеварения – ГЛОСИП – вредна, что ее ни в коем случае нельзя делать пациентам.

– Основная заповедь врача – не вреди! – объясняла она свою позицию. – Я считаю принципиально вредным ставить больным клизмы объемом по восемь литров. И делать этого никогда не буду!

Юлия немедленно после этого разговора примчалась к Азарцеву.

– Да она клизму поставить не может! – кричала Юлия на весь коридор. – А чем она собирается заниматься? У нас операционные дни в лучшем случае два раза в месяц! Зачем она будет без толку на работе каждый день сидеть? На рояле играть? У нас не консерватория. Вот и пусть возьмет ГЛОСИП на себя! Без него теперь не работает ни одно уважающее себя учреждение! Вон сколько больных звонят и спрашивают, могут ли они после операции одновременно похудеть и «почиститься»? И из-за того, что она почему-то считает эту процедуру

ужасно вредной, я должна отказывать пациентам? А деньги? Больные же платят! Если так разобраться, лечиться вообще очень вредно! И косметические операции, если хотите знать, делать тоже очень вредно! Наркоз, операционная травма, послеоперационный период, то да се, еще как вредно! Однако мы же их делаем! Еще надо разобраться, что для больного вреднее? Операционная травма и хорошее настроение потом десять лет или наш отказ в погоне за так называемой устаревшей заповедью «не вреди!» Все в мире относительно!

Тина, услышав этот крик, тоже пришла в кабинет Азарцева.

– Я, извините, врач. Клизмы ставить не буду, – сказала она. – Вы с Юлией Леонидовной можете делать здесь все что угодно, я в этом принимать участия не намерена.

– Ну, подожди, Тина. Не руби с плеча! Давай разберемся! – Азарцев потирал лоб своей твердой, суховатой рукой. – Ведь действительно, эту процедуру сейчас делают многие медицинские центры. А в нашей клинике пока никому, кроме тебя, взять это дело под свою ответственность. Не ссорься с Юлей, она ведь тоже болеет душой за нашу работу! Быть над схваткой гораздо проще. Но ведь надо и деньги зарабатывать. Зарплату людям надо платить! А руководить ГЛОСИПом должен только врач. В других местах, между прочим, эту процедуру выполняют медсестры.

– Мы не договаривались, что я буду ставить больным клизмы.

– Естественно, ты сама не будешь ставить, но ты будешь наблюдать! Представь, в других местах в таких кабинетах даже нет врача! А у нас будешь ты, мы делаем шаг вперед! Мы напишем это в рекламе.

– Если в других, как ты называешь, местах нет врача, – ответила Тина, – так можно хотя бы предположить, что люди ничтоже сумняшеся не представляют, что они делают! Кто им разрешает это делать, это другой вопрос! Но ты хочешь, чтобы я, доктор, дипломированный специалист, своими руками закачивала в кишечник пациенту против естественного тока жидкости восемь, а то и десять литров раствора? Изменяя при этом кислотно-щелочной баланс среды, нарушая целостность ворсин слизистой оболочки? Может быть тогда, в угоду моде, в погоне за деньгами мы перейдем к лечению куриным пометом, а в конце концов скатимся к тому, что над головами у пациентов будем разводить руками, совершая шаманьи обряды?

Азарцев со вздохом поджал губы.

– Роль шаманов, в конце концов, тоже не изучена... – устало проговорил он.

Но Тина не захотела его слушать.

– Нет, ты скажи, – кипятилась она. – У нас здесь медицинское учреждение или клуб по интересам, где каждый может дудеть в свою дудку, рекламируя все, что захочет: шаманство, йогу, роды в ванне, ужаление пчелами, стояние на голове и бег в мешках в качестве психологической разгрузки? Твоя Юля всю жизнь работала косметологом. Очевидно, она многое забыла. Пусть она откроет хотя бы институтский учебник физиологии и прочитает, как устроен кишечник, какие отделы его можно промывать, какие нет и что в нем должно быть согласно естественному ходу пищевых масс.

Азарцев не знал, как разрешить этот спор. Честно сказать, он устал. Клиника должна была приносить деньги. Пришло время платить проценты кредитору. Доход же по сравнению с расходами был пока совсем небольшим. С коммерческой точки зрения Юлия была права. ГЛО-СИП делают все современные медицинские центры.

– А чем они руководствуются, когда делают это? – стояла на своем Тина. – Когда ты делал резекции желудка, чем ты руководствовался? Пятидесятилетним опытом, описанным в учебниках, тысячу раз проверенными методическими рекомендациями. Наконец, научными статьями, опубликованными в официальных медицинских журналах, где есть компетентные рецензенты.

А чем руководствуются нынешние деятели, которые распространяют этот так называемый ГЛОСИП? Ты видел на эту тему хотя бы одну независимую научную статью? Я подчеркиваю – научную и независимую! А не глянцевые рекламные бумажки, распространяемые той фирмой, которая хочет впарить нам свое оборудование?

– Потерпи, потом мы откажемся от всех сомнительных методик, – пытался уговорить Тину Азарцев. – Но пока мы не можем по-другому существовать! Пока клиника не встала на ноги, мы должны бороться за каждого больного!

В разговор вмешалась Юлия.

– За деньги каждого больного! – уточнила она. – Если больной хочет что-то с собой сделать, он должен сделать это у нас, а не искать другое заведение, где ему предоставят более широкий комплекс услуг. Поэтому все самое новое, самое передовое...

– Самое непроверенное, самое опасное, – вставила Тина.

– Самое модное, самое современное. – Юлия ее будто не слышала. – Все это должно быть в нашей клинике. А некоторых я попрошу выключить тормоз. Особенно тех, кто привык у себя в больницах сидеть, ничего не делать и брать взятки за самую рутинную работу.

– Юля! – только и мог сказать на это Азарцев. Но призвать Юлию к вежливости было не в его силах.

– А что я такого сказала? Что, мы первый день на свет родились и не знаем, как лечат в наших бесплатных больницах? – Юлия широко раскрывала глаза, и Азарцев был совершенно уверен, что она действительно не понимает оскорбительного для Тины смысла своих слов. Объяснять Юлии это было бесполезно. Налет одержимости и сумасшествия явственно освещал ее лицо, и потом, она действительно приносила клинике реальный доход. Если слушать Тину и не делать ничего непроверенного, они останутся на мели. После очередного такого выпада Тина и подала заявление об уходе.

– Предатель! Иуда! Уговаривал идти меня к нему на работу, а сам... Обещал, что я буду получать нравственное и материальное удовольствие от этого труда и тут же бросил на растерзание какой-то стервозной недоучке! – шептала Тина сквозь слезы, когда, не разбирая дороги, бежала короткой тропинкой к воротам усадьбы, чтобы никогда, никогда, уже не возвращаться назад. На лугу, как всегда в середине лета, буйно цвели колокольчики, возносился к небу пирамидками иван-чай, еще звонко пели птицы, готовясь ставить птенцов на крыло, вдалеке за оврагом зеленел неподвижной гладью старый пруд. А Валентина Николаевна, не замечая всю эту красоту, горько плакала, вытирая лицо марлевой салфеткой. Она не успокоилась, даже когда оказалась в набитом дачниками автобусе, а красная кирпичная кладка ворот клиники с фонарями под старину скрылась в дорожной пыли за поворотом. Мраморная Афродита с лицом Юлии, стоящая на лестнице между колонн под сводом крытой галереи, у входа в дом, слепыми глазами равнодушно смотрела ей вслед.

3

«Господи, никогда с первого раза невозможно ее найти!» – ругался про себя Аркадий Петрович Барашков, плутая во дворах между старыми хрущевскими домами. Каждый раз, когда он навещал Тину – а было это достаточно редко, может быть раз-другой за прошедшие два года, – он не мог сразу отыскать ее дом среди других точно таких же серых кирпичных домов, стоящих в беспорядке среди зарослей сирени и черемухи, высоченных берез и старых тополей.

– Где здесь корпус три? – крикнул он девчонке лет десяти, возвращающейся из школы с тяжеленным рюкзаком за плечами.

– Вон там! – неопределенно махнула девочка и, перепрыгивая через лужи, побежала к своему подъезду. На все том же своем белом пикапчике Барашков медленно проехал в указанном направлении и завернул за угол.

«Кажется, этот дом, но может, и нет». Аркадий Петрович вышел из машины и зачем-то посмотрел вверх, будто ожидая, что Тина высунется из какого-нибудь окна и помашет ему рукой. Дождь, переставший было, опять разошелся вовсю. Барашков, поевшись, поднял воротник куртки и чертыхнулся.

За последнее время Аркадий Петрович сильно похудел, сбрил свою кудрявую бороду, состриг рыжие кудри, стал носить ежик. Новая прическа ему, в общем, шла, делала моложавее, но с рыжими кудрями ушла эпикурейская благодусность греческого бога, а в карих глазах доброта с оттенком цинизма превратилась в жесткость с большой долей скепсиса.

«Если стемнеет, вообще ничего не найду! Хоть бы вышел кто, не у кого даже спросить!»

И действительно, двор как вымер. Косой разошедшийся дождь поливал переполненную помойку, листья берез тут же утонули в лужах, разлившихся потоками вдоль бордюров. И единственное, кроме Барашкова, живое существо во дворе – худой черный кот, застигнутый дождем врасплох, выскочил из крайнего помоечного контейнера и со всех ног припустил к хорошо знакомому ему подвальному окну. В раздражении Аркадий Петрович машинально пнул попавший под ногу упругий зеленый плод неизвестного растения и не мог, несмотря на дождь, отказать себе в удовольствии посмотреть, закатится ли колючий шар от его пинка в водосточную ямку.

«Так это же плод каштана!» – вдруг догадался Барашков. Тина говорила, что выбрала квартиру, потому что ей понравился каштан, весной распускающий свечи прямо под ее окнами. Барашков огляделся. Он был небольшим знатоком флоры, но отличить березу от каштана все-таки мог. Возле подъезда, около которого он интуитивно встал, как раз и рос единственный во всем дворе огромный каштан, дотянувшийся роскошной макушкой до голубого балкона на пятом этаже, показавшегося Барашкову знакомым. Сейчас, осенью, каштан, естественно, не цвел, а был покрыт огромными желтыми листьями, сквозь которые виднелись шарики плодов, щетинившиеся шипами. Но даже при небольшой доле воображения любой человек мог бы представить себе, что весной, приблизительно в конце мая, огромные розово-мраморные кисти цветов как раз упирались в этот балкон.

«Наверное, здесь!» – Барашков решительно дернул за ручку подъезда. К счастью, никаких кодов на подъездных дверях здесь никто не завел, и он беспрепятственно поднялся по неожиданно чистой лестнице на последний этаж. По пути он отметил, что даже железные двери и то не везде были установлены в этом забытом богом краю развитого хрущевского социализма. Не было железного щита и на предполагаемой двери Валентины Николаевны. «Звонок не работает, стучите громче» было нацарапано фломастером на бумажке,

прикрепленной чуть ниже звонка. Почерк этот был хорошо знаком Барашкову. Значит, действительно, здесь. Аркадий Петрович облегченно вздохнул и стал стучать.

Тина после ванны лежала в постели под одеялом. Приятная слабость владела ею. Заснуть ей опять так и не удалось. Она лежала, а в голове крутился цветной калейдоскоп обрывков событий, воспоминаний, давних сновидений. На постели рядом с ней в беспорядке горой лежали альбомы: «Третьяковская галерея», «Импрессионисты», «Русская кухня», «Десерты», «Двести блюд из картофеля», «Как стать красивой». Первые два были раскрыты, остальные валялись как попало. Было непохоже, что их вообще когда-нибудь открывали. Хотя нет, Тина точно помнила, что она с интересом разглядывала первые страницы этих изданий, на которых красовались дарственные надписи. «Как стать красивой» двадцать лет назад, еще до своей травмы, подарила ей сестра Леночка. «Десерты» – мама, когда Тина собралась замуж, а «Двести блюд из картофеля» с намеком, видимо, на нищую студенческую жизнь вручили однокурсники на свадьбу Альбомы с музейными репродукциями купила Тина сама.

«Если бы Чарли был жив и лежал бы тут, рядом со мной, мне было бы легче уснуть», – думала Тина. Кого ей было жаль из всей прошлой жизни, так это старого, преданного черно-белого друга. Она любила Чарли так, что даже не могла представить себе, что на его месте может появиться какая-нибудь другая собака. «Те люди, что после смерти одного питомца тут же заводят другого, любят не животных, а себя. Все равно что мужчины, которые, только похоронив одну жену, тут же женятся на второй, потому что не в силах перенести страх, тоску и, кроме всего прочего, бытовые неудобства, – думала Тина. – Никто не сможет заменить мне Чарли».

Она прикрыла глаза, и темный силуэт собаки вдруг возник возле нее на полу. Тина умела всматриваться в видения внутренним взором и ясно различила умную черную мордочку, живо подрагивающие светлые брови, вопросительный взгляд, белый воротник шерсти на шее, благородной формы вытянутые лапы.

– Милый мой, дорогой, – прошептала Тина. Вдруг ей показалось, что собака привстала, наострила уши, чудесные черные бархатные ушки со смешными, мягкими, чуть завернутыми внутрь кончиками. Но сейчас кончики ушей настороженно встали. Впрочем, Тине показалось, что собака не обнаружила особенного беспокойства. Она не стала лаять, а только развернулась корпусом к двери и слабо помахала хвостом. Тина ясно различила стук в дверь.

– А, черт бы вас всех побрал! – пробормотала она. – Я хочу быть здесь одна, только с Чарли. Но он ведь бесплотный дух, поэтому, я знаю, что все равно одна! Если только я встану, он исчезнет. Так уже было. А я не хочу, чтобы он исчез. Он ведь никогда не предавал меня. Это я виновата перед ним. Не пойду открывать!

Однако Чарли вдруг сорвался с места, завилял хвостом и умчался в полутемный коридор. Вскоре он там исчез. Рассеялся и приятный туман, который обычно сопровождал эти странные видения. Очертания комнаты встали на свои места. Стук в дверь стал навязчиво громким.

«Если это мама, – подумала Тина, – не надо, чтобы она видела меня в таком виде. Отец, я знаю, не может приехать, он на работе. Муж не приезжает никогда. Алеша? Он далеко, в Краснодарском крае». Она не видела сына почти год, с тех пор как он заходил попрощаться, прежде чем уехать жить к родителям мужа.

«Но, может, Алеша зачем-нибудь приехал в Москву! – с надеждой решила Тина и вскочила с постели. – Конечно! Он приехал и хочет повидаться со мной! Взрослые дети всегда больше скучают по матерям, чем подростки!» Быстро запахнув халат, она босиком ринулась в коридор.

4

Марья Филипповна Одинцова, та самая Марья Филипповна, которую два года назад в отделении анестезиологии и реаниматологии все сотрудники, включая Валентину Николаевну, звали просто Машей, а часто и Мышкой, в это время подписывала в своем новом кабинете так называемые отработанные истории болезней. Отработанными они назывались вовсе не потому, что, как некоторые с ужасом могли бы подумать, все эти больные умерли. Наоборот, люди, чьи истории болезней были вписаны в эти стандартные бледно-голубые листы бумаги, положенное время лечились в отделении и в более-менее удовлетворительном состоянии, а кое-кто, между прочим, и в хорошем, были выписаны домой. Марья Филипповна составляла еженедельный отчет.

Тина когда-то заполняла специальные графы отчетной ведомости условными обозначениями – крестиками да кружочками. Марья Филипповна, снабженная теперь мощным компьютером, нажимала на определенные клавиши. Валентина Николаевна совершала подсчеты столбиком на бумажке, умный компьютер теперь складывал столбцы цифр молниеносно, сам же и разносил эти цифры по специальным разделам. Но, несмотря на все эти приятные новшества, лицо у Марьи Филипповны было вовсе не радостным. Отделение, которым она заведовала вместо Тины, теперь уже не называлось городской реанимацией, а именовалось «Клиника интенсивной терапии «Анелия». Почему «Анелия» не знал никто, кроме Маши: она назвала свое отделение так потому, что с детства помнила героиню одного зарубежного романа, которой пришлось пережить всевозможные несчастья, но в конце концов она их все преодолела. И было время, когда Маше ужасно хотелось, чтобы ее звали не ее простым и весьма распространенным именем Маша, и уж тем более не Мышка, а куда более романтично – Анелия. Но время шло, «Анелию» заменили «Унесенные ветром», затем под подушкой поселились «Раковый корпус» и «Сердце хирурга», а потом времени на чтение художественной литературы практически не осталось, и если что Маша и брала в руки, так это были Виктория Токарева или изредка романы о Каменской. А в названии клиники имя прежнего кумира осталось. Только на лечение Марья Филипповна брала теперь не всех, кого везла «Скорая помощь», а только тех, кто сам или с помощью родственников осознал сложившееся теперь в медицине положение и, отдавая себе отчет в том, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, готов был оплатить по полной программе весь комплекс медицинских услуг. Некоторые «продвинутые» больные к кассовому чеку добавляли еще увесистый конвертик для доктора. Ну а так называемых бесплатных больных «Скорая» возила теперь в другие больницы.

Марья Филипповна изменилась за два года. Из невысокой, худенькой девушки, с хвостиком, закрученным на затылке в русый пучок, она превратилась в модную деловую даму, несколько располневшую, но уже не стеснявшуюся носить элегантные костюмы, дорогие туфли, пользоваться услугами косметических салонов с устойчивой репутацией. Благоухала Марья Филипповна теперь только самыми дорогими духами – а как же иначе, положение обязывает. Не пойдешь ведь к пациенту, который платит только за один день пребывания на койке месячную зарплату рядового врача, в дешевых колготках, старой кофтенке, с какой-нибудь кулебякой на голове вместо прически. Марья Филипповна и по отделению ходила теперь частенько без медицинского халата, хоть халат у нее был самой последней моды, от известной немецкой фирмы. Приличнее, как она считала, было разговаривать с больными не с позиции все знающего господина бога, а на равных, с позиции внимательного менеджера, с прочной репутацией, способного разрешить все проблемы. Поэтому и разговоры она предпочитала вести не у постели больного, а сидя в собственном кабинете, напоминающем офис солидного банковского служащего, где по стенам были развешаны картины, а в углу поме-

щался стеклянный шкафчик с коллекцией засушенных растений и бабочек. «Как в старые добрые времена», – думала она, имея в виду английские фильмы многолетней давности, где персонаж с медицинским дипломом обязательно был похож на Шерлока Холмса, а обстановка его кабинета копировала квартиру на Бейкер-стрит. Только на роль доктора Ватсона Марье Филипповне оказалось не так-то просто найти претендента. Кроме Аркадия Петровича Барашкова, который почти всегда теперь выступал в роли грубияна и бунтаря, у нее в штате был еще ее ровесник и однокурсник доктор Владислав Федорович Дорн – шесть лет они учились в одной группе.

Владик Дорн, даром что был случайным обладателем чеховской фамилии, с третьего курса института, то есть со времени, когда студенты серьезно начинают изучать клинические дисциплины, возненавидел запахи аптеки, больничной кухни, стерильного материала, живого тела, гноя и крови и уже подумывал о том, чтобы бросить медицинский институт к чертовой матери. Младший брат его к тому времени перешел в седьмой класс и вместе с такими же, как он, малолетними единомышленниками погрузился с головой в компьютерные игры. Владик, до того времени к брату относившийся весьма снисходительно, увлечением его весьма заинтересовался, а через некоторое время брата даже зауважал. С его помощью он стал печатать на компьютере всевозможные рефераты и истории болезней, оценил по достоинству это очень полезное приспособление и пересмотрел свои взгляды на медицину. Этот же ветер перемен побудил его окончить клиническую ординатуру по специальности «диагностические методы исследования». Случайная встреча с Марьей Филипповной, искавшей сотрудника и компаньона в свое вновь открывшееся отделение, и желание получить приличную зарплату окончательно определили место его работы: Владислав Федорович Дорн считался теперь в отделении главным диагностом.

Еще под началом у Марьи Филлиповны работали две процедурные сестры – Райка и Галочка, и несколько сестер ночных подменных, выходящих на работу только в ночь. Вопрос с санитарками тоже был решен, ибо обе санитарки получали теперь столько же, сколько при Валентине Николаевне получал самый старый доктор отделения Валерий Павлович Чистяков. Вот такие персонажи пребывали сейчас в тех самых стенах, где еще два года назад резвился со своими шуточками доктор Ашот Гургенович Оганесян, сердилась на старого ворчуна Валерия Павловича красавица клинический ординатор Татьяна и ревновала Тину к Барашкову медсестра Марина. Ни следов этих людей, ни памяти о них не сохранилось ни в перепланированных комнатах-палатах, ни в ординаторской, где сейчас в окружении своих приборов хозяйничал один Дорн, ни в коридоре. Даже загадочную Тинину подругу – старую пальму и то после ремонта за ненадобностью утащили на первый этаж. По правде сказать, никого это теперь и не интересовало. Обезьянье же дерево, в горшок с которым в прошлые времена с удовольствием стряхивали пепел Ашот и Барашков, Мышка из ординаторской перетащила в свой кабинет, помня, что это растение называется еще и денежным деревом. Пусть приносит коммерческую удачу – так объяснила она самой себе свою сентиментальность.

Аркадий Петрович времени в отделении проводил мало, ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы осмотреть больных и сделать записи в листе назначений. В десять он еще не приезжал, а в двенадцать часто его уже не было. Но Марья Филипповна, зная об этом безобразии, не делала Барашкову замечаний, боялась с ним расстаться. А Владислав Федорович Дорн вообще старался в лица больным не смотреть, вопросов не задавать – его интересовали только результаты исследований. Был доктор Дорн высок, строен, светловолос. Прическа его всегда была по-модному чуть растрепана, голубые глаза близоруко и насмешливо прищурены. Но бесспорно, в глазах его присутствовала мысль, что уже само собой является достоинством для молодого человека. Подбородок его был неизменно чуть

небрит, а джинсы – последней модели и куплены в фирменном магазине. В общем, доктор Дорн был моден, хорош собой, умен и поэтому не мог не нравиться Марье Филипповне.

– А на фига мне с большими разговаривать? – говорил он Маше, покачивая ногой, и на лице у него при этом появлялась очаровательная презрительная гримаска. – Будущее за диагностикой. Чем совершеннее диагностика, тем легче лечить. А что с того, что эти больные по два часа в день морочат голову своими рассказами: «Здесь колет, здесь режет, в левой пятке цокает, в голове щелкает, а в глазах мушки прыгают!» Ничего же невозможно понять! То начнут перечислять, чем болели все их родственники до седьмого колена, а то наоборот – начнешь спрашивать действительно то, что надо, а они, как назло, наберут будто полный рот воды и цедят сквозь зубы либо «да», либо «нет». Только время с ними зря теряешь. Нет, настоящая медицина – инструментальная. Вот у меня здесь, – при этих словах Дорн красивым жестом показывал на компьютер, – имеются все данные: биохимические показатели, все электрические показатели, все анализы крови. Вот компьютерная томография, вот РЭГ, вот УЗИ, вот иммунограмма, вот опухолевые маркеры – зачем мне еще в таком случае с больным разговаривать? Можно диагноз ставить хоть на расстоянии. Этим, кстати, в наиболее продвинутых зарубежных клиниках и занимаются. Платишь бабки – и по Интернету тебя консультирует хоть сам Дебейки.

– Ну звони тогда Дебейки, – ехидно сказал присутствовавший при этом разговоре Барашков. – Ты же при всей своей технике так и не можешь сказать, отчего же все-таки болит голова у твоей больной в первой палате?

– Да фиг ее знает, отчего она у нее болит, – спокойно ответил на это Дорн. – Скорее всего, она истеричка. Но только исследовав все, что нужно, и, кстати, получив за это для отделения хорошие бабки, могу сказать точно: у этой больной нет ни опухоли головного мозга, ни пост-травматической гематомы, ни гипертонического криза, ни тромбоза сосудов, ни инсульта. И это самое главное. Она не зря нам заплатила, теперь может спать спокойно.

– Она бы и спала, если бы трети сутки не билась от боли башкой об стенку. Как только действие обезболивающего заканчивается, так она на стенку лезет. Несмотря на то что ты у нее ничего не нашел.

– Да, может, она симулянтка, – небрежно произнес доктор Дорн, легко прокручиваясь на своем удобном кожаном стуле и поигрывая одной ногой, закинутой на другую.

– Не думаю, – ухмыльнулся Барашков. – Зачем ей симулировать? Ей же в армию не идти. Муж на нее не надышится. Кроме того, ты вот больных не любишь смотреть, а я посмотрел из интереса. Как-то зашел в палату: лежит она бледная, пульс замедлен, на лбу пот, зрачки узкие. Совсем непохоже на симуляцию.

– Ну и что вы можете в этой ситуации предложить? – со скрытой яростью спросил его Дорн.

– Ничего не могу, – пожал плечами Барашков. – Твоя больная, ты и лечи. Не можешь вылечить, отправь куда-нибудь, к невропатологу, например. У нас в отделении, как ты знаешь, оплата производится не в общий котел, а в зависимости от коэффициента трудового участия. Говоря по-русски, кто как лечит, тот так и получает! И братья за твою больную у меня никакого резона нет. Между прочим, твоя была инициатива так построить систему оплаты.

– А потому что ваш совок до смерти надоел! И ваша уравниловка! – в сердцах сказал Дорн и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

– А ты будто не из этого совка вылупился, – презрительно усмехнулся вслед ему Аркадий, взял со стула свою выдавшую виды спортивную сумку и тоже поехал по своим делам. Марья Филипповна после этого разговора приказала Райке поменять больной обезболивающее средство на более сильное, которое хранится под замком. После этого она пригласила

Дорна к себе в кабинет, поставила чай, открыла коробку с пирожными из «Праги». Пирожные были маленькой слабостью Марьи Филипповны.

– Ты бы, Владислав, потише вел себя с Барашковым, – начала она, наливая чай. – Он, между прочим, несмотря на все его недостатки, голова!

– Да достали уже эти две головы! – со злостью отозвался Дорн. – Барашков вечно лезет со своей критикой, а тетка эта из первой палаты либо молчит как партизанка, либо башкой об стену стучит. Ей вообще психиатра надо.

– Ну вызови, в самом деле, невролога. Муж, я думаю, консультацию оплатит.

– Да на хрена он мне нужен? Что я, сам рефлексы не проверял? Невролог не умнее меня, все равно назначит те же самые исследования, которые я уже сделал... И те же самые лекарства пропишет. Я тебе говорю, не с чего у этой больной болеть голове!

Мышка задумчиво ела пирожное. Дорн помолчал. Потом начал снова:

– И что этот Барашков воображает? Когда вы тут сидели все вместе в старом отделении, без приборов, без лекарств, что, тогда у вас все было о'кей? Или ему не дает покоя моя зарплата? Пусть он тоже пошевелится, пойдет, заплатит хорошие бабки – обучение сейчас везде не бесплатное, – освоит какой-нибудь еще более новый, современный метод и тоже будет «зеленые» грести!

– Дело не в «зеленых». – Марья Филипповна со вздохом положила обратно в коробку третье пирожное. – Барашков, кроме как у нас, работает еще в трех местах. Если ему надоест и он уйдет, нам проконсультировать больного будет не у кого. Его опыт очень многое значит. И неизвестно, найдем ли мы еще такого хорошего специалиста.

– Если больной заплатит, – запальчиво возразил Дорн, – ему можно любую консультацию организовать, любого профессора или академика.

– Консультацию-то организовать можно, – вздохнула Маша. – Мы их и организовываем, когда надо. Только консультант посмотрит больного и уйдет, а нам его после консультации еще и лечить надо. А Барашков каждый день рядом. Вот ты не хочешь звать невропатолога, а почему? Потому что не веришь, что он может назначить что-нибудь, кроме того, что ты уже назначил сам. Разве не помнишь, были иногда у нас случаи, когда мы делали все, как предписывали нам профессора-консультанты, а больным все равно становилось хуже и хуже. Не всех, конечно, но кое-кого вытягивал именно Барашков. А я постоянно слышу от главного врача: «Делайте в своем отделении что хотите, но только чтобы не было смертности, не было жалоб, и деньги по договору чтобы вносили в нужные сроки!» Но ты же понимаешь, одно дело, когда больные умирают в обычной реанимации, и совсем другое – когда они умирают за большие деньги. В тюрьму садиться никто не хочет!

– Все хотят только деньги грести. – Дорн сидел в кресле, болтал ногой и равнодушно разглядывал засушенную бабочку за стеклом. – А то, что больница купила компьютерный томограф за наш счет, это как?

– Деньги на томограф дал мой отец, – возразила Маша. – Это было условием договора с главным врачом. Но больница от нас, конечно, прилично имеет. Но ведь и мы имеем. Поэтому с этой своей больной из первой палаты ты делай что хочешь, но только чтобы она головой об стенку не билась. Иначе она от нас всех больных отпугнет.

– Так она же в двухкомнатной персональной палате. Кто ее видит?

– Ты оторвись от монитора да пойди погляди! Бьется об стену так, что всему отделению спать мешает!

– У нас все отделение – шесть человек, из них две медсестры! – усмехнулся Дорн.

– Ну вот и представь: из четырех коек три будут пустовать! – Маша пыталась проявить твердость. – Ты меня понял?

– Да понял я, понял. – Дорн поднялся со своего места, покачался немного на носках модных светло-бежевых туфель, потом внезапно наклонился к Маше и обнял ее. Он делал

это не в первый раз, и хотя каждый раз, когда он снисходил до нее, сердце у Маши замирало, как у пятнадцатилетней дурочки, ум ее оставался свободным. Владик Дорн был женат. И хотя в его объятиях не было чего-то уж совсем пошлого или неприличного, Мышка понимала, что неприятное чувство возникает у нее потому, что она представляет: в каждом объятии на стороне есть пусть и небольшой, но факт предательства семьи.

Тема семьи для Мышки была болезненной. Мать ее по-прежнему жила за границей, вела там свои дела, а отец, фактически выкупив для дочери вот это отделение, считал, что исполнил свой долг, и вел совершенно свободный образ жизни.

Мышка теперь жила одна с прежней домработницей в той же самой огромной квартире. Кавалеров у нее и раньше было немного, а сейчас не осталось практически никого. Жизнь ее в студенческие годы состояла из учебы, а теперь была полностью сосредоточена на работе. В этом она, очевидно, старалась подражать матери – уж если нет счастья в личной жизни, пусть в делах будет все на высоте. Но, очутившись в объятиях бывшего однокурсника Владика Дорна, Мышка растерялась. Она засомневалась, правильно ли распорядилась судьба, расставив игроков на доске именно таким образом. Владик ей нравился, этого было не изменить. И у нее никого, кроме него, не было – это тоже верно. Но головы Мышка никогда не теряла и своей маленькой, умненькой, модно подстриженной головкой хорошо понимала – ей служебный роман на пользу не пойдет, и так держать в узде подчиненных трудно. Барашков был практически неуправляем. Дорн пока сдерживался, но это, возможно, пока. Кто его знает, как поведет он себя дальше, когда отношения между ними перейдут в другую, горизонтальную плоскость. Так недолго потерять свои начальственные позиции. Но, с другой стороны, ей так хотелось любви, быть любимой, любить самой... Но к чему приведет эта любовь к Дорну? И Мышка чувствовала себя по отношению к Владиду Дорну кем-то вроде заложницы.

– Ты что, сумасшедшая? – уговаривал ее Дорн, обнимая. – Романы между людьми, имеющими семью, – вполне нормальная и обыденная вещь. Они дают стимул жить. Брак по сути – рутина, но нельзя же каждый раз разводиться! А красивый роман – удовольствие для обоих!

– Конечно, – отвечала ему Мышка. – Так говорят, как правило, те, кто, заводит романы на стороне, но при этом уверен в своих половинках. Открой любой иллюстрированный журнал, почитай. Каждая захудалая знаменитость расскажет тебе, что от жены ему нужна только верность. Когда же этих мужчин спрашивают, бывают ли у них соблазны, они только вздыхают, закатывают глаза и отвечают, что при море поклонниц от соблазнов удержаться трудно.

– Не надо читать плохие журналы! – Дорн норовил повалить ее на дорогой светлокоричневый кожаный диван. Но Мышка путалась, отпихивала его и одергивала юбку:

– Отстань, Владик! Иди к больным!

– Ты меня доведешь до того, что я тебя как-нибудь изнасилую! – скорчив страшную рожу, пригрозил ей Дорн, и она не могла понять, шутит он или говорит серьезно. Однако при этих угрозах ее сердце почему-то наполнялось непонятной гордостью и начинало колотиться, как бешеное. Вот и сейчас, составляя отчет, Мышка с замиранием сердца ждала, пока Владик закончит очередное исследование и придет к ней в кабинет. Но она прождала напрасно. У Дорна обнаружили другие, совершенно непредвиденные дела.

Он пребывал в комнате, которую делил вместе с Барашковым. Когда-то она была общей ординаторской, здесь стояли пять порядочно обшарпанных столов с такими же стульями, древний двухстворчатый шкаф с зеркалом на внутренней поверхности двери, а в центре – продавленный старый диван, обтянутый облезшим по углам синим дерматином. Обитали тогда в ординаторской пять докторов, и Аркадий вечно иронизировал, а иногда и раздраженно орал, что век этой обстановки закончился еще перед войной 1812 года. Теперь комната неузнаваемо изменилась. Стены были покрашены модной красочкой нейтрально серого

тона, окна закрывали современные жалюзи, вместо обшарпанных деревяшек стояла удобная офисная мебель из пластика, кожи и металла, а ящики столов, что особенно умиляло Владика, на вращающихся колесиках откатывались в разных направлениях, так что их можно было выстраивать в замысловатые тумбы. Но странное дело, Аркадий Петрович, мечтавший о таких функциональных столах и стульях чуть не всю свою сознательную жизнь, почему-то чувствовал себя в новой комнате неудобно, а когда приходил в старые больничные отделения и там усаживался на выдавшие виды стулья и диваны, то с удовольствием всем телом чувствовал под собой свое, родное! Владик же ощущал себя в своей комнате как рыба в воде. Вот и сейчас он, насвистывая, отыскивал, сидя на своем любимом вертящемся стуле, среди программ ту, которая ему была в данный момент нужна. Но свист его сейчас был отчего-то невеселый.

В просторном коридоре две медсестры раскладывали лекарства. Одна из них, Галочка, была черненькая, смуглая и худощавая. Вторая, Райка, шатенка, кровь с молоком. Всем своим видом Райка будто говорила больным – вот полежите у нас, сколько нужно, и тоже будете такими же веселыми и здоровыми! Рыжеватые волосы ее весело кудрявились под светло-розовой накрахмаленной шапочкой, голубые глазки хитренько блестели, а сияющие щечки были будто намазаны яркой малиновой краской. У Маши при взгляде на нее всегда возникала ассоциация с медным, начищенным до блеска тазом, в котором ее бабушка с незапамятных времен варила летом варенье. Впрочем, претензий по работе у Маши к девушкам не было. Обе были расторопны, сообразительны и достаточно вежливы.

Галина разложила таблетки на маленькие подносики и собралась разносить по палатам.

– Когда пойдешь к нему? – спросила у Райки со значением.

– Сейчас, – ответила Райка.

– Тогда давай! Он один в кабинете, я подсмотрела. – Галя легонько подтолкнула подругу Та одернула розовую медицинскую пижаму, быстро перекрестилась у двери и вошла в бывшую ординаторскую, где сидел Дорн.

Владик сидел, уставившись в монитор, но мысли его были далеки от перечня лекарств и симптомов, представленных в таблице. Перед глазами его будто стояло бледное лицо жены с постоянным в последнее время укором во взоре.

Владик хорошо относился к жене. Он никогда не решился бы поступиться свободой ради брака с женщиной, которую нужно было бы постоянно опекать, уговаривать, терпеть ее капризы и смены настроения. Встретив однажды Аллу, он понял, что она из тех счастливых жертвенных натур, для которых забота о муже, быте, об уюте совсем не в тягость.

«Редкая девушка, такую нельзя упускать», – подумал он, женился и, как выяснилось, не ошибся. Алла была не яркая, но миловидная, невысокая блондинка с серыми глазами. Блестящие, длинные, гладкие волосы она расчесывала на пробор и закалывала на затылке пучком. Летом же она пучок распускала, и тогда волосы развевались на ветру блестящими светлыми прядями, напоминая о близком отпуске, морском просторе, легком освежающем бризе. Она напоминала Дорну натюрморт, висевший у них в уютной маленькой кухоньке – на голубой клетчатой скатерти стоит корзинка со светлой, крупной черешней.

Он поверял Алле свои честолюбивые мечты о том, что скоро станет знаменитым специалистом и разбогатеет. Тогда у них будет большая квартира, а может быть, загородный дом и она сможет не ходить в свою бухгалтерию, где сейчас честно трудится с девяти до пяти, и станет выращивать цветы и заниматься детьми.

Дети! Вот в чем была заноза, очень важный пункт, по которому они никак не могли прийти к общему соглашению. Алла готова была рожать хоть сейчас, хоть сию минуту, хоть каждый год. Беременела она необыкновенно легко. У Дорна даже иногда складывалось впечатление, что жена специально не пьет таблетки, хотя его уверяла, что регулярно их упо-

требляет. И каждая беременность сопровождалась у нее токсикозом, тошнотой, рвотой по утрам и в течение дня, а самое главное – каждый раз Дорн уговаривал ее сделать очередной аборт, так как, по его словам, иметь детей им было пока не время.

– Мне уже двадцать восемь лет! – плакала Алла. – Когда же наступит то самое время?

И начиналось ужасное. В такие дни она проклинала его, говорила, что хочет родить ребенка «для себя», а он, если не хочет нянчиться с «соплями», как он выражался, пусть ее бросает... Алла взвинчивала себя до экстаза, до истерики, до судорог в ногах. Но Владик был неумолим.

– Мы не можем позволить себе ребенка. Пока! Пойми! – говорил он. – Но потом он у нас будет! Обязательно будет!

Истерика у Аллы превращалась в неукротимую рвоту.

– Вот видишь, до чего ты себя довела! – говорил жене Дорн, сажал в машину и вез к знакомому доктору, который вводил Алле в вену снотворное, и через двадцать минут они с Дорном уже перекладывали ее размягченно-сонную на кушетку в палате, а через два часа он вез ее домой. Рвоты больше не было, не было и беременности, и снова начинались таблетки. На полгода Алла замолкала и не заговаривала о ребенке. Это были самые прекрасные для Дорна месяцы. Потом все начиналось сначала. Вот и сегодня сутра из ванны раздались какие-то подозрительные звуки, а потом в кухне появилась Алла с кривящимися бледными губами и заявила, что на этот раз она точно будет рожать.

– Не волнуйся! Иди на работу! Вечером мы все обсудим! – проговорил, чуть не подавившийся яичницей Дорн и в ответ услышал железобетонное:

– Обсуждать тут нечего! Я все решила! Если ты не хочешь, я буду рожать для себя.

Придя на работу, он первым делом позвонил знакомому врачу.

– Старик, уже четвертый аборт! Многовато! – пробасил в ответ ему врач. – Почему бы ей и не родить?

– Ох, рожать сейчас совершенно ни к чему! – застонал в ответ Дорн.

– Да ты не думай об этом. Она родит – и все. А ребенка сразу полюбишь. Поверь мне, у меня уже трое! – засмеялся приятель-врач.

«Значит, ты трижды дурак!» – сказал про себя Дорн и обещал подумать. Вот он сидел и думал, когда в кабинет открылась дверь и вошла Райка.

– Тебе чего? – Он оторвался от монитора.

Райка, закатив к потолку глаза, мялась и зябко пожимала плечами. Дорн развернулся на крутящемся стуле и оказался как раз напротив нее.

– Ну? – Он нахмурился, и в голосе его появилось раздражение.

– Я вот по какому делу, – наконец заговорила девчонка. В лице ее были одновременно и неуверенность в успехе предприятия, и какая-то хитроватая наглость. Слова она произносила очень быстро, будто тараторила птица, а круглые блестящие глазки ее так и зыркали по сторонам. – Я, Владислав Федорович, беременна от вас.

Увидев, как в изумлении поползли вверх брови Дорна, она не нашла ничего лучшего, как по-пионерски вскинуть руку, то ли отдавая салют, то ли осеняя себя крестным знаменем.

– Честное слово! Вот вам истинный крест! – Она даже сделала вид, что хочет перекреститься на компьютер. – И вот я пришла вам сказать, что, как девушка верующая, крещеная, аборт я делать не стану. Это православием запрещено.

– Ты что, с ума сошла? – Дорн говорил очень тихо, внешне пытаясь оставаться спокойным.

– Но дело же житейское, понятное! – развела в стороны маленькие ладошки Райка. – Мы с вами спали вместе, любили друг друга!

– Ты что, издеваешься? Ведь ты же говорила, что предохраняешься? – В голосе Дорна была такая сталь, что Райка, хоть и ожидала, что он вряд ли заключит ее в объятия и закружит в восторге по комнате, отступила на два шага к двери.

– Ну предохранялась, конечно, предохранялась. Но пару раз забыла выпить таблеточки. Да и не думала я в тот день, что вы ко мне в общежитие-то заявитесь, вот и... пожалуйста! – затараторила она. – Но вы уж тоже поймите, я девушка неопытная. Это у меня в первый раз!

– И зачем же ты теперь пришла ко мне? – откинулся на спинку стула Дорн. – Сообщить, что это у тебя в первый раз? Мы тут с тобой взрослыми делами занимались, а ты сейчас приходишь ко мне, как маленькая девочка...

Ситуация складывалась, конечно, двусмысленная, но определенный комизм в ней был. Чистый водевиль.

Райка стянула накрашенные губки в пучок и обиженным голосом пропищала:

– Вот вы сердитесь непонятно на что, а сами-то тоже виноваты. Зачем вы меня соблазнили?

– Я тебя соблазнял? – в изумлении вытаращился Дорн. «Что же это они все на меня накинулись? С утра Алла сообщает, что она беременна, теперь вот эта...» Он встал со своего вертящегося стула, подошел к Райке вплотную и взял ее двумя пальцами за круглый гладенький подбородок. – А ну-ка, кыш отсюда! Приключений тебе захотелось на свою попу или радостных ощущений – этого я не знаю, но говорить, что я соблазнил невинную овечку, не стоит! Тебе сколько лет?

– Двадцать один.

– Ну вот и хорошо. Достигла совершеннолетия даже по американским законам. Теперь выкручивайся, как знаешь!

– А как я знаю? – Райка отодвинула его руку и проскользнула в глубину комнаты. – И никуда я отсюда не уйду. Я не для того пришла!

– А для чего? – Его даже стала забавлять ее наглость.

– А для того, чтобы сказать вам, что я беременна.

– Уже сказала. Теперь отправляйся делать аборт!

– Не пойду! – Упрямая девчонка уселась на стул, картинно перекрестив руки на груди. – Да и срок у меня уже порядочный.

Вся Райкина жизнь в подмосковной деревне, рядом с которой только недавно вырос новенький коттеджный поселок, не позволяла ей думать, что богатство и счастье просто так свалятся на нее с небес. Счастье надо выдирать самой! Хоть руками, хоть задницей – у кого уж как получается. Едва только закончив училище и устроившись на работу в эту больницу, она ловко сумела сделать рокировку и попасть в отделение к Мышке, а уж здесь решила поставить все карты на Дорна – больше просто было не на кого. Барашкова в виду его почти сорокалетнего возраста Райка всерьез не принимала.

– Аборт делать не собираешься, значит, будешь рожать, что ли? – тоже усевшись, спросил Дорн. Раз сразу не удалось ее отшить, то придется действовать убеждением. Что ж, он привык. – И будешь одна ребенка воспитывать? Имей в виду, мы с тобой так не договаривались, и я ничего не знаю. Я к тебе даже близко не подходил! И от кого у тебя ребенок – понятия не имею. Но если ты возьмешься за ум, то с абортом могу тебе помочь устроиться.

Райка тоже обдумала все повороты разговора до мелочей.

– Вы меня все-таки тоже поймите... – плаксивым голосом снова начала она. Райка хотела провернуть элементарный шантаж. Беременность у нее действительно вышла случайной, но она была девушкой неглупой и даже кое-что сумела прочитать на протяжении своей короткой жизни. Например книгу Дейла Карнеги. «Если у тебя есть апельсин – сделай из него лимонад!» – крупными буквами был напечатан на обложке девиз. Вот сейчас она и приступила к изготовлению этого напитка. Чувствовала она себя неплохо, но ей эле-

ментарно были нужны деньги. Она мечтала, сколотив на Дорне небольшой капитал, развернуться пошире. А ребенок? Что ребенок? Очень даже хорошо, что она забеременела. Ребенок поможет ей держать Дорна на крючке. Во всяком случае, пока.

Райка продолжила:

– Беременна я в первый раз, бог свидетель, – при этих словах Владик хмыкнул. – Родители мои пока ничего не знают, только крестная в курсе. А она говорит, аборт делать – грех. Да я и сама так думаю! Лучше ребеночка родить, хоть и без мужа. А то потом приспичит, так и не родишь, когда надо будет. Вот я и думаю, что вам надо пока меня от родителей забрать и пристроить где-нибудь, не в плохом, конечно, месте на квартиру. И денег дать. Ведь мне теперь нужно питаться получше! А потом будет видно. Может, шубку какую или еще чего за труды!

Владик Дорн смотрел на Райку и прикидывал: сразу ее развернуть пинком, чтобы она вылетела, будто пробка, или еще подождать. Райка, видимо, угадала его взгляд.

«Ничего! – решила она. – Городские мужики пугливые! Жен боятся хуже всякого черта! Напакостить рады, будто коты, а как отвечать – так в кусты!»

«Ну и что она мне может сделать? – думал Дорн. – Пойдет к Алле и расскажет, какой я негодяй? Но доказать ей свою правоту будет трудно. Даже если она и возьмет в компаньонки подружку, как ее... Галку. Но все равно, для Аллы приятного мало. А вдруг после Райкиного визита Алла еще больше захочет рожать и мне придется метаться между двух беременных баб? Какой же я осел, вовремя не раскусил Райку! И что теперь делать? Пообещать ей все, что она хочет, только бы избавилась от беременности?»

– Раиса, ты меня все-таки просвети, – твердым голосом произнес Дорн, – какой у тебя срок?

– Четыре с половиной месяца! Половина! – с гордостью проговорила Райка с видом безвинно опороченной особы, ожидающей наследника королевской крови. – И врач на УЗИ посмотрела и сказала, что у нас будет мальчик!

– Леший бы тебя, дуру, подрал! – в сердцах, не сдержавшись, сказал Дорн и встал. – Ничего у тебя из твоего шантажа не выйдет! Все равно придется беременность прерывать! Даже не думай о другом варианте. Чем раньше сделаешь, тем меньше опасности!

– Так я же вам говорю! – Райка прекрасно понимала, что залог ее благополучия – в ее животе. Стоит ей лишиться того, что уже шевелилось у нее внутри, и Дорн действительно никогда к ней больше близко не подойдет. – Для верующей аборт делать грех! Тем более на таком сроке. А если вы будете настаивать, то в этой прекрасной комнатке диктофончик имеется! На него весь наш разговор и записан.

У Галины двоюродный брат учился на факультете журналистики, и идею с диктофоном подсказал он. Если разговор будет записан – Дорну не отвертеться!

– Да я в организацию пойду «Женщины против насилия», – продолжала Рая. – По газетам проедусь, всем расскажу, что вы, сами врач, меня принуждаете идти против совести! Да я в Думу пойду, – нагнетала она обстановку. – Вы-то сами почему не предохранялись? Все на женщину хотите свалить! Ничего не выйдет!

«Да если бы мне надо было бы предохраняться, – чуть не сорвалось с языка у Дорна, – на хрен ты мне вообще была бы нужна! С женой предохраняйся, с любовницей предохраняйся, все проститутки скоро в профсоюз вступят, с ними тоже предохраняйся!» Он хотел проорать это Райке в лицо, чтобы не слишком о себе воображала, но промолчал. Вспомнил первые дни их знакомства, когда Райка сразу после училища по чьей-то рекомендации пришла к ним в отделение. Вспомнил ее чистенькое, будто фарфоровое, личико, наивные голубые глаза, розовые щечки. Как топорщился в нужных местах белоснежный халатик, как забавно и заманчиво расходился он сзади, обнажая тугие ножки. Это сейчас она уже переделалась в фирменную пижаму, как все сестры. А тогда было в ней что-то заманчивое и

чистое, наивное и простое. Вот он и счел ее простушкой! Что и говорить, лакомый тогда она была кусочек, он чувствовал себя чуть ли не благодетелем. Вот и разбери теперь, простушка она непутевая или умелая шантажистка.

– Так все-таки что же ты от меня хочешь? – спросил он.

– Чтобы вы сейчас мне денег дали. Зарплата у меня хоть и побольше, чем в других местах, но, сами знаете, ее ни на что не хватает!

Дорн внимательно посмотрел на вымогательницу.

– Ну, а если я скажу, что я никакого отношения к этому ребеночку не имею?

– Да ведь это будет грех! – закрестилась на монитор компьютера медсестра. – И чтоб его не допустить, я к вашей жене прямым ходом пойду, пусть она рассудит нас по-женски, по-человечески. Я ведь не настаиваю, чтобы вы женились на мне. А ребеночка своего каждый признать должен.

Владик замолчал, размышляя, и тогда Райка, намереваясь напомнить о своем требовании, приблизившись к нему вплотную, оттопырила карман на груди.

«Ладно, дам ей денег, чтобы выиграть время», – решил Дорн и, вытащив из бумажника дорогой кожи несколько купюр, протянул Райке.

– Вот возьми, – сказал он, – но готовься. Я доктора сам подыщу. Так вернее будет.

«Не могу же я всех своих баб в одно и то же время к одному врачу водить! Да, и врала она или нет насчет диктофона? – Дорн первым делом осмотрел все шкафы и полки и ничего не нашел. – Но, может быть, диктофон был у нее в кармане? Зря я не догадался посмотреть!»

Настроение у Владислава Федоровича было из рук вон.

5

Валентина Николаевна почему-то настолько твердо была уверена, что сейчас, сию минуту, немедленно увидит своего сына Алешу, что, открыв дверь, в первое мгновение даже не поняла, что перед ней бывший коллега, Аркадий Петрович Барашков. Она некоторое время стояла в дверях, вглядываясь в Барашкова и не узнавая его. Он, предполагая, что его сюрприз – явиться без предупреждения – действительно удался, громко и радостно засмеялся, но потом что-то неуловимое, нечто странное, идиотическое в лице Валентины Николаевны насторожило его.

– Тина! Ты что, не узнаешь? Ведь это же я, Аркадий!

Действие его слов оказалось вовсе не таким, на какое он рассчитывал. Валентина Николаевна вдруг смертельно побледнела, схватилась за сердце и стала сползать на пол по дверному косяку.

– Черт побери! Что с тобой? – Он бросил на пол свою старую спортивную сумку, схватил Тину под мышки и потащил в комнату. – Есть кто-нибудь? – зычным баритоном заорал было он и, поняв, что они одни, положил Тину на кровать, заглянул в зрачки, нащупал пульс и немного успокоился. – С каких это пор ты меня так пугаешься? – Быстрым шагом Аркадий прошел в кухню, наугад открыл какие-то шкафчики в поисках лекарства, но ничего не нашел. Тогда он порылся в карманах, извлек замусоленную от долгого хранения упаковку валидола в серебристой фольге, извлек таблетку и засунул ее Тине в рот. Подождал пять минут.

– Ну что? Тебе лучше?

– Лучше. – Она сглотнула и провела потной рукой по своему холодному лбу. – Что это со мной было? Меня тошнит и сердце колотится.

Барашков еще раз нащупал ее пульс.

– Когда-нибудь раньше с тобой так было?

Она улыбнулась:

– А я что, помню? Плевать. Сейчас пройдет. Я пойду приготовлю чай.

– Да уж лежи. – Барашков прошел в кухню сам. Мимоходом оглядевшись, оценил пью и запустение, высохшую заварку в коричневых разводах на дне старого чайника, отсутствие припасов в холодильнике, съжившиеся от старости крошки хлеба на разделочной доске. «Д-да-а, что-то не в порядке в этом доме», – подумал он, вспомнив ухоженность и уют прежнего Тинино жилища, огромную кастрюлю с «дежурным» борщом для мужа и сына, которую она готовила перед тем, как уйти на дежурство, обязательный кусок колбасы для собаки, нежнейшее творожное печенье к чаю. Сердце у Барашкова защемило.

Немного заварки он все-таки отыскал. Вымыл чайник, вскипятил воду, заварил чай. За неимением специальной куклы накрыл чайник старым полотенцем. Пока он возился, Тине полегчало. Она приподнялась и села в постели, навалившись спиной на подушки.

– У тебя в кухне, мягко сказать, пусто! – заметил Аркадий, входя с подносом.

– Говоря откровенно, в моей квартире даже мыши не водятся. – Она попыталась легко и беззаботно улыбнуться. – Да это и к лучшему, меньше шансов поймать вирусный гепатит! Мыши – разносчики всякой дряни!

Барашков пристроился сбоку, поставил поднос прямо на одеяло.

– Какой запах! – мечтательно проговорила Тина, втянув носом пар. – Чай старый, а аромат еще остался.

Барашков не поддержал разговор – он думал о другом.

– Что это за подозрительные сердцебиения? – спросил он, когда Тина перестала дуть на чашку и сделала первый глоток.

– Сама не знаю. Я ужасно рада, что ты пришел. Признаться, я живу тут одна, и нет у меня желания принимать гостей. А вот ты приехал – и я рада. С другими не так.

– Ты не ответила, – настойчиво взял ее за руку Барашков. – Говори, что с тобой.

Тина вздохнула.

– Наверное, вегето-сосудистая дистония. Сейчас все этим страдают. Когда ты позвонил, я резко соскочила с постели, вот давление и метнулось. – Она помолчала. – Я почему-то решила, что приехал Алеша.

– Судя по всему, он нечасто балует тебя визитами? – Барашков смотрел на нее мрачно.

– Я не сержусь. Ему всего девятнадцать лет. Он еще плохо соображает. Делает то, что ему велят. Сказали – мать плохая, значит, плохая. Но я не в претензии. Наверное, они все правы. Что я была за мать? Вечно на работе.

– Что ты всех оправдываешь? Сказала тоже – плохая мать! Уж я ли не знаю твоей жизни, как и ты моей? Ты ни в чем не виновата.

Аркадий хотел еще сказать, что девятнадцать лет – это вовсе не мало. Что он сам в этом возрасте уже женился, а в двадцать стал отцом и кормильцем семьи, но посмотрел на Тину и ничего не стал добавлять. И вообще, его поразила произошедшая с ней перемена. В его представлении Тина была молодой, привлекательной женщиной, но сейчас перед ним сидел глубоко больной человек. Он не мог профессионально не оценить и расплывшиеся черты лица, и потухший взгляд, и дрожь некогда крепких пальцев. Но самое главное, что Барашкова поразило в Тине, – ее безжизненность, абсолютное равнодушие к самой себе и всему происходящему. Аркадия это напугало, и он решился спросить прямо:

– Скажи, я спрашиваю тебя не из любопытства, но как врач, что с тобой происходит? Ты чем-то больна?

Тина как-то потерянно усмехнулась.

– Спасибо, что ты спросил, хотя мне больше хотелось бы, чтобы ты сделал вид, будто ничего не заметил. – Она опустила голову, было видно, что ей совсем не хочется говорить на эту тему, но она поняла, что он не перестанет ее расспрашивать. – Да, я стала другая, совсем другая, Аркадий. – Тина все еще чувствовала себя не совсем хорошо, но опять улыбнулась. – У меня ничего не болит! Во всяком случае, на физическом уровне.

Ее напуская веселость могла бы обмануть кого угодно, только не Аркадия. Он хорошо ее знал.

– А выгляжу я так плохо, – продолжила Тина, потом сделала паузу, как бы размышляя секунду, стоит ли все-таки посвящать Барашкова в эту «страшную» тайну, но потом решила, что можно, – потому что уже не вижу для себя никакой необходимости жить. Ты, я надеюсь, не будешь возмущаться этими словами, надувать щеки и махать руками в знак протеста? Я не кокетничаю, мы слишком давно знаем друг друга. Это не игра, не шантаж, не каприз, это – глубокая депрессия, синдром, который лечится психиатрами. Но я лечиться у них не буду.

Аркадий Петрович потер подбородок.

– А почему? – наконец, не найдя ничего лучшего, сказал он, чтобы оттянуть время. – Они что, не такие же врачи, как мы?

Как назло, ни с одним по-настоящему хорошим психиатром он лично знаком не был. У больничного специалиста он и сам бы лечиться не захотел.

– Ты знаешь, – в первый раз за весь их сегодняшний разговор во взгляде Тины появилась искорка интереса, – мне даже любопытно наблюдать за собой. Представляешь, иногда я вижу рядом с собой Чарли! Как раз перед самым твоим приходом...

– Видишь во сне?

– Да нет, это не сны. Я не могу объяснить то состояние, в которое временами впадаю: бред не бред, галлюцинации не галлюцинации... Романтичнее всего будет сказать – грезы наяву.

– Романтику в нашей профессии лучше отбросить, – заметил Барашков.

– Я знаю, – согласилась Тина. – Но ты тоже пойми, в психушку ложиться не хочется...

Аркадий Петрович был опытным человеком и хорошим врачом. Он многое понимал. И слова Тины его, в общем, не удивили. Он что-то вроде этого и ожидал, но этого и боялся. Под маской депрессии может прятаться весьма серьезное, опасное, уже изученное, описанное, классифицированное и совершенно не обязательно психическое заболевание, а что-нибудь совершенно другое. Какая-нибудь опухоль мозга... Необязательно злокачественная, может, и доброкачественная. А может, и не мозга, какого-нибудь другого органа. Или вообще не опухоль, а кальциноз сосудов... Болезнь Фара, например. А может, и вообще не быть ничего, просто невроз. И эти сердцебиения... Очень подозрительно.

Он начал снова.

– Замечательно, что у тебя ничего не болит, но выглядишь ты, прямо сказать, неважно, – осторожно сказал он. – Надо всесторонне обследоваться. Давай сначала обратимся не к психиатрам, а к терапевтам.

– Неохота и незачем. Надоело все. – Тине вдруг стало очень хорошо, легко. Она не стеснялась Барашкова. Ей даже понравилось, что он о ней заботится. Все, что было между ними раньше: флирт, кокетство, чувственность, – все ушло. Ей казалось, что вместо всего этого осталось глубокое ощущение родства, как бывает между супругами, прошедшими вместе длинный, тяжелый путь. Ей было безразлично, что он видит ее непричесанную, одутловатую, в застиранном старом халате, лежащую на не очень свежем постельном белье. «В таком равнодушии, – подумала она, – есть своя прелесть».

Барашков выглянул на улицу. Его машина стояла под окнами, ее мочил дождь.

– Дождь идет?

– Идет. – Аркадий отвернулся от окна и внимательно оглядел комнату. Видно, давно уже миновала пора, когда эта дыра была маленьким, но уютным гнездышком. На полу мелкий мусор, следы чьих-то ботинок. На подоконнике ни цветочка, ни листика. В старой люстре горит одна-единственная маломощная лампочка...

Тина откинулась на подушку.

– Как поживает твоя жена?

– Неплохо. Она с участка ушла. Окончила школу гомеопатов, теперь у нее кабинет.

– Гомеопатия? Ты в это веришь?

Аркадий прошел по комнате, сел.

– Черт его знает! Вроде у нее получается. А я все хочу книжку какую-нибудь по гомеопатии почитать, разобраться, да времени нет. А материально, конечно, с поликлиникой никакого сравнения.

– Передавай ей привет!

– Обязательно. – Он говорил, а сам еле удерживался, чтобы не откинуть одеяло и не нажать пальцем на кожу Тининой ноги в нижней трети голени, чуть повыше стопы. «Могу поклясться, на месте давления будет круглая ямка и белое пятно, – подумал он. – Но, черт возьми, откуда взялась эта задержка жидкости в тканях, проявляющаяся одутловатостью и какой-то зеленой отвратительной бледностью? Почки проверить нужно в первую очередь. – Он уже открыл было рот, чтобы это сказать, но Тина его опередила:

– Знаешь, Аркадий, я чувствую, на мне какая-то броня. Мне все стало все равно. Иногда еще случаются проявления живого чувства – когда вижу Чарли или думаю об Алеше. Часто мне бывает очень страшно во сне. Не обижайся, Аркадий, я тебя очень люблю и рада, что ты пришел, но вот я смотрю на тебя, а где-то глубоко у меня свербит: когда же он уедет, и я тогда снова смогу зарыться в одеяло, закрыть глаза и ни о чем не думать?

– Ты хочешь спать? – удивился Аркадий.

– Если бы... – усмехнулась Тина. – То есть спать я хочу постоянно. Но дело в том, что я не могу заснуть! А если засыпаю, то мне снится такой кошмар, что лучше бы вовсе не спать.

– Слушай, что ты вообще тут сидишь, как неграмотная тетка! – разозлился Аркадий. – Ну хоть бы самые элементарные анализы сделала! Кровь, мочу, биохимию... Ты участкового на дом хоть раз вызывала?

– Господи, ну что он скажет, этот участковый? Ну вызвала однажды, весь день ждала. Вечером, в восьмом часу, приползла терапевт, бабулька-пенсионерка. Причем у нее после подъема по лестнице на мой пятый этаж была такая одышка, что я подумала, как бы мне ей самой не пришлось помощь оказывать.

– Ну?

– Посмотрела она на меня от порога, видит – дверь я ей открыла самостоятельно, хоть и по стеночке. Спрашивает: «Мушки перед глазами бегают?» Я говорю: «Нет». Она говорит: «Значит, ничего страшного. Вегето-сосудистая дистония. Крепкий чай, кофе, два раза в день кавинтон. Консультация невропатолога, ухо-горло-носа». Постояла еще, ну, я ей пятьдесят рублей дала, она ушла, а мне на следующий день само собой легче стало.

Аркадий захохотал.

– Тебе повезло, грамотная бабка попалась. Послала не только к невропатологу, но и к ЛОРу. Но у тебя с ушами, надеюсь, все в порядке?

– С ушами – в полном! – заверила его Тина, и оба опять захохотали. Только смех у них был немного грустный. – Ну вот что ты хочешь? – спросила она, наконец отсмеявшись. – Знаешь, под одеялом в своей квартире умирать как-то спокойнее, чем в больнице под капельницей или под звуки мигалки в машине «Скорой помощи».

– Не болтай! – оборвал ее Аркадий. Они еще помолчали. Аркадий подумал, что пора уходить, но было как-то неловко подняться.

– Слушай, а где твоя собака? – неожиданно спросил он.

– Чарли умер в прошлом году.

– Старый, наверное, был? – предположил Аркадий. – Насколько я помню, он жил у тебя лет десять?

– Сколько ему было, никто не знает, – вздохнула Тина. – Я же его на помойке подобрала. Чарли был тогда уже взрослым. Прожил он у меня одиннадцать лет. Когда меня уволили, он несколько месяцев жил у мужа, вернулся совершенно больной. Я думала, погибнет. Но он пожил здесь со мной, успокоился, поправился. Мы с ним гуляли, он был веселый, красивый, бодрый... А однажды я не вернулась домой ночевать. Работала я тогда за городом, и сломалась машина. Вернулась на следующий день, только к обеду. А он лежал около кровати на коврике. Уже мертвый, мордой к двери. Он подумал, наверное, что я его опять бросила. Уже во второй раз.

– С чего ты так решила? – удивился Барашков. – Все люди смертны, собаки тоже. Одиннадцать лет для колли – приличный возраст.

– Нет, не скажи! – Тина покачала головой. – Он умер от ревности. Безысходности. Уходила-то я из дома не одна.

– Ас кем?

– Был человек. Ты его как-то видел. Азарцев. Я у него тогда работала, в косметологической клинике. Помнишь, я тебе говорила?

– Ну да.

– Чарли не любил его. Не рычал, не лаял, о, нет! Просто, когда Азарцев бывал у меня, Чарли лежал в коридоре в углу и не выходил. Никогда не гулял с ним, не брал у него еду. Наверное, чувствовал, что Азарцев меня предаст.

– И что?

– Так и вышло. Когда пришлось сделать выбор, Азарцев выбрал не меня. А я невольно предала Чарли.

– Тина! – сказал Азарцев. – Я теперь знаю, куда тебе надо ехать в первую очередь!

– Куда?

– В клинику неврозов. Если хочешь, я тебя отвезу! И это еще мягко сказано! По-моему, ты того! – Аркадий выразительно постучал по когда-то кудрявой башке. – Сдвинулась на собаке!

Тина усмехнулась.

– Какая же у мужчин простая организация ума! И Азарцев говорил точно так же, как ты: «Сдвинулась на собаке!» Но если собака – единственное существо, которое любит?

– А может, ты просто других-то не замечаешь? – вдруг укоризненно и очень тихо сказал Аркадий.

– Ну что ты мучаешь меня! – заорала вдруг Тина. Лицо ее исказилось, и пена появилась у рта. – Не видишь, что ли, мне плохо, плохо, плохо! Я действительно хочу остаться одна! Я хочу умереть! Или, по крайней мере, закрыть глаза! А ты все сидишь, разглагольствуешь, философствуешь, умничаешь! Уходи! – почти визжала она. – Уходи! Я вас всех ненавижу! Всех-всех! Ненавижу весь свет! И задерни шторы! – Она зарыдала. Аркадий молча встал. Тина лежала на животе, все тело ее сотрясали конвульсии, слезы текли так быстро и сильно, что в момент намочили подушку.

«Истерика, – подумал Барашков. – Черт знает что! Тот мужик, видимо, ее бросил. А она действительно его любила. Как странно. Печально». Неожиданно ему пришло в голову, что он сидит рядом с женщиной, которая плачет оттого, что ее бросил не он, Барашков, а некто другой, и ему это безразлично. Вот что значит старость. Или не старость, а зрелость?

Она наконец затихла.

– Я сейчас уйду, – сказал Аркадий. – Не сердись, проводи меня. Только знай, ты должна лечиться!

Тина повернулась к нему, вытерла ладонями мокрые щеки.

– Прости. Тебе, должно быть, противно на меня смотреть, – сказала она. – Я стала страшная. Злая и страшная. Ужасно, что мне это безразлично. Я не хочу быть ни молодой, ни красивой.

– Ты просто больна. – Барашков взял ее за руку. – Теперь мне это совершенно ясно.

Он был опытным врачом и прекрасно знал, что болезнь редко делает человека прекрасным. Это только в романах Ремарка да Фицджеральда по тенистым аллеям парков гуляют нежные сумасшедшие героини. На самом деле болезнь безобразна, зла, эгоистична. Доброго человека она может сделать безвольным, мямлей; стойкого – злым, эгоистичным тираном; разумного – бессмысленно тупым. Но если человек поправляется, то из болезни он выносит самое главное – опыт, как нужно жить. Потом, правда, часто этот опыт забывается. Но умные люди после глубокой болезни начинают жить так, будто получили в подарок новую драгоценную жизнь.

Барашков продолжил, стараясь, чтобы его слова звучали как можно более убедительно:

– Ты должна поправиться, Тина! Нужно обследоваться. О конце думать рано. Ты многим нужна. По крайней мере мне, твоим родителям, сыну и, наверное, сестре. Но в тебе сейчас говорит не болезнь, а эгоизм, Тина. Подумай об этом. До завтра. Я пошел, завтра позвоню. Обдумаю за вечер, и ты тоже подумай, с чего нам лучше начать обследование. Пока!

– Я сорвалась. – Тина отерла лицо нечистой простыней. – Я провожу тебя! – В голове у нее играл огромный оркестр, предметы перед глазами танцевали медленный вальс, а в груди бились многочисленные крошечные молоточки. «Может, это от голода? – подумала она. – Сейчас он уйдет, и я снова лягу. В шкафу должно быть немного хлеба. Погрызу его,

а когда станет легче, выйду на улицу, что-нибудь куплю, масла и сыра, например». Но при упоминании о еде ее затошнило еще больше. – Ну, иди! – Она спустила ноги с постели. Барашков поцеловал ее в щеку и пошел в коридор. Тина прошлепала за ним.

– Звони! – Она постаралась сказать это так, чтобы голос ее не дрожал.

– До завтра? – Аркадий взялся за ручку двери.

– До завтра! – Тина улыбалась, а сама незаметно старалась удержаться за стену.

– Так я позвоню.

Через мгновение, обернувшись уже с лестничной площадки, Аркадий увидел, что стоящая в коридоре Тина как-то странно отклоняется от него назад и со всего маху с остановившимся взглядом падает на спину, ударяясь при этом с глухим стуком головой о пол.

– Тина! – крикнул Аркадий и ринулся назад к ней в квартиру.

На его пальцах быстро высыхала алая кровь, будто покрывая кожу прозрачным красноватым лаком. Кровь была и на полу, под Тининой головой, и на ее светлых незавитых волосах.

– «Скорая»! Да ответьте же, наконец! «Скорая»! Что ж вы там все, заснули?! – Он метался по Тининой квартире в поисках аптечки, но, конечно же, ничего не нашел. «Да ведь она умирает, а я, реаниматолог хренов, даже сделать ничего не могу!» – Он готов был разбить телефон, всю квартиру, весь мир, только чтобы кто-нибудь появился и помог ему снести Тину вниз, туда, где ей можно помочь...

В трубке, наконец, раздалось:

– «Скорая» слушает!

И тут он вдруг понял, что не знает Тинин адрес.

6

Косметическая клиника доктора Азарцева находилась за городом, в живописном местечке, с краю бывшего когда-то дачного поселка. Места она занимала сравнительно немного: каменный двухэтажный дом под высокой, во французском стиле, крышей с дымоходными трубами от двух каминов и еще одно здание – бывшая небольшая дача с мансардой. Все остальное составляли газон, живая изгородь вдоль забора, металлические ворота с красивой решеткой да аллея, недавно усаженная невысокими еще туями от резной калитки к большому дому. Собственно, клиникой и являлся этот каменный дом.

Вытянутое вперед крыльцо под высоким портиком с обеих сторон продолжалось в широкие террасы, поддерживаемые колоннами. Летом на них должны были отдыхать больные, а сейчас плетеные кресла стояли пустые, низкие столики были перевернуты друг на друга, и охранник уже собирался отправить их зимовать в подвал, чтобы не портились на морозе. Возле самых дверей, на пьедестале под фонарем, стояла обнаженная Афродита, показывая своими гипсовыми формами, к какому совершенству должны стремиться пациентки клиники. Окно Юлиного кабинета располагалось на втором этаже с угла – так, чтобы обозревать подъездные пути к боковому входу, куда привозили и откуда увозили пациентов после операции, и центральную аллею, по которой нужно было идти пешком от калитки до парадной двери. Сейчас Юлия стояла у окна и нервничала. Ждали Азарцева, а его все не было. Но вот его серый автомобиль въехал в ворота. Юлия взглянула на себя в зеркало и спустилась к нему.

– Поздненько, однако, являетесь на работу! – ехидно заметила она, сразу почувствовав, что Азарцев приехал расстроенный. «Наверное, опять заезжал к этой своей шлюхе!» Почему-то многие женщины, даже никогда в жизни не видя соперницу, непременно представляют ее в образе шлюхи.

«Его тут ждут, а он наносит утренние визиты! Ловелас чертов!» – Юлия пошла вместе с Азарцевым в его кабинет.

В просторном коридоре в широком кресле «под старину» сидела девчужка, замотанная шарфом. Ее простые джинсы, дешевая куртюшка, самовязанный сиреневый шарф настолько странно выглядели на фоне солидного и уважаемого интерьера, что Азарцев удивился, что ее вообще впустили сюда. Но уж, конечно, не из-за ее визита Юля сделала такую отвратительную гримасу.

Азарцев не обманулся в догадке. Его кабинет был открыт, он увидел там человека – совершенно лысого, с гладкой, как яйцо, головой, с таинственным азиатским разрезом глаз, одетого в элегантный европейский костюм.

– А, вот, оказывается, из-за кого весь сыр-бор! – улыбнулся Азарцев, а лысый человек поднялся навстречу и приветливо раскрыл ему широкие объятия.

– Пробки, наверное? – участливо поинтересовался лысый. – Деловым людям скоро придется пересаживаться на вертолеты, как в Америке! Я лично с удовольствием обзавелся бы парочкой!

– Поставил бы один из них прямо в ресторанный зал? – Азарцев пожал компаньону руку. Вид этого гладкого лица, на котором и следов от операций уже не осталось, так хорошо они были зашлифованы, напомнил ему осенний вечер двухлетней давности и Тину, оживленную и очень тогда красивую. Если бы не тот вечер, так, может, и не было бы в его жизни ничего, связанного с ней. Ни нескольких, очень счастливых, месяцев, ни чувства обиды и разочарования оттого, что его интересы не стали их общим делом, ни обескураживающего чувства вины из-за того, что с этой женщиной происходит сейчас.

– Да, ужасные пробки! – подтвердил кивком Азарцев и в знак солидарности уселся не за широкий массивный рабочий стол, а напротив пришедшего, в кресло, за маленький кофейный столик, предназначенный для доверительных разговоров. Юлия всегда ставила на столик вазу с шикарными искусственными белыми гладиолусами, но Азарцев подвинул ее вбок, чтобы лучше видеть лицо собеседника.

Азарцеву нравилось профессионально разглядывать измененные им лица. Он любил наблюдать те или иные движения мышц при улыбке, при прищуре глаз. Ему нравилось видеть, как молодеют лица, как заново начинают блестеть глаза женщин, прошедших адавы круги циркулярных подтяжек. Он любовался правильными, не топорщащимися больше ушками детей, которых переставали дразнить сверстники, но больше всего ему нравилось разговаривать с больными, чью внешность он пытался поправить после перенесенных травм. И ему казалось, что иногда результаты его работы превосходят созданные самим господом первоначальные варианты.

Лицо Магомета, Лысой Головы, как звали за глаза его нынешнего собеседника, не до конца удовлетворяло Азарцева с профессиональной точки зрения. Конечно, он не мог не помнить, какой черной обожженной головешкой выглядело это лицо сразу после того ужасного пожара в машине. И он, и Магомет помнили, каким бесформенным красным обрубок было его лицо после чудесного возвращения с того света и лечения в ожоговом центре. Азарцев прекрасно помнил и сколько денег он взял, чтобы превратить этот обожженный обрубок в человеческое лицо, которое теперь можно было назвать и красивым. После операций оно стало напоминать лицо эдакого компьютерного инопланетянина, романтического героя-спасителя. Иногда, впрочем, Азарцеву приходила в голову мысль, что новое лицо Магомета напоминает своей непроницаемостью восточную маску шамана, с узкими прорезями глаз и трагическим оскалом безмолвной улыбки, отягощенной знанием неотвратимых событий.

– За деньгами пришел! – даже не вопросительно, а совершенно спокойно, как что-то очень будничное, констатировал Азарцев.

– Настало время! – слегка развел руками пришелец.

– Сумма за лето у меня приготовлена, можем отдать хоть сейчас. Но впереди зима...

Магомет вежливо промолчал. Он хотел, видимо, вопросительно приподнять брови, но после глубоких ожогов мышцы его лба и орбит функционировали неправильно, поэтому по верхней части его лица пронеслась только еле уловимая тень.

– Обычно люди не ложатся на операции перед Новым годом, – пояснил Азарцев. – Стараются поправить внешность не такими радикальными процедурами, то есть малой кровью. А где малая кровь, там и деньги небольшие. Ты же понимаешь, что самые большие доходы мы получаем именно от операций. То есть, я думаю, надо перераспределить суммы по временам года. Летом сделать побольше, зимой поменьше.

– Я передам, – холодно сказал Магомет. Мышцы рта у него тоже работали не совсем правильно, поэтому широко улыбнуться он мог с трудом. – Но я думаю, раз ты брал деньги в долг под определенный процент, не упоминая про времена года, то и отдавать их нужно не под музыку Чайковского.

«Да он не без образования», – механически отметил Азарцев.

– Я думаю, «там», – Магомет выразительно поднял кверху палец, – твои доводы не будут иметь успеха.

Азарцев посмотрел на его палец – ровный, гладкий, тоже вышедший из-под его скальпеля. «Интересно, – подумал он, – если бы я привел свои доводы не сейчас, а тогда, четыре года назад, перед операционным столом, на котором лежал тогда этот бугай, похожий на красный обрубок со скрюченными щупальцами-конечностями, возымели бы тогда успех мои доводы?»

– Медицина ведь не пивной заводик, – сказал он вслух. – Купил оборудование – и гони продукцию. Да и то, летом, я думаю, пива пьют больше. У нас ведь живые люди, у которых свои планы, которые подвержены страхам и предрассудкам. И работаем мы пока только второй год. Но уже по опыту прошлого года и работы в других местах я могу выявить некоторые закономерности поступления больных, о которых уже сказал тебе. В феврале-марте их всегда больше, чем в ноябре. Люди стремятся лучше выглядеть к весне, а зимние праздники не хотят встречать в синяках, бинтах и повязках. И это нельзя не учитывать.

– Зачем ты повторяешься? Я все передам. А деньги за лето отдай сегодня. Я подошлю людей. – Магомет встал и посмотрел в окно. – Жаль, что вертолет у нас пока все-таки роскошь, а не средство передвижения. Лужайка перед домом как раз подходящая. – Он отказался от завтрака, предложенного Юлией, направился к выходу.

Навстречу Азарцеву встала девушка в сиреневом шарфе, и Лысая Голова, с недоумением поглядев на нее, поинтересовался:

– Это кто?

Девушка сделала шаг навстречу выходившим. Конец шарфа упал с лица на ее дешевую куртку, и стали видны безобразные ожоги, тянувшиеся по шее и подбородку. «Твоя коллега по несчастью», – подумал Азарцев, но промолчал. Не мог Лысая Голова не помнить, как выглядят ожоги, но на его бесстрастном лице ничего не отразилось. Одним из теперешних достоинств его внешности, как он сам считал, была практически полная непроницаемость. Его высокая фигура с блестящим черепом, дорогая одежда, изысканная обувь странно контрастировали с тонкой фигуркой обожженной девушки.

– Пациентка, наверное, – подобострастно пояснила Юлия.

– С такими пациентками сам раздетый, голодный окажешься, – сухо заметил Магомет и, даже не протянув Азарцеву на прощание руку, сел на заднее сиденье прекрасного черного автомобиля и быстро выехал в ворота, поспешно отворенные перед ним охранником.

– Лысая Голова ждал тебя полчаса, прежде чем ты соизволил явиться! – набросилась на Азарцева Юля, едва он вернулся в кабинет. – Ты что, не понимаешь, как много зависит от его личного впечатления! Ведь он из тех, кто реально влияет, дадут или не дадут нам деньги и какие возьмут за них проценты!

– Я все понимаю, – отозвался Азарцев. – Разрешите мне пройти, я хочу узнать, зачем пришла эта девушка.

Азарцев хитрил с Юлей. Он сразу же понял, зачем пришла девушка. Конечно же, она явилась, чтобы узнать, можно ли ей как-нибудь избавиться от ее безобразных ожогов. Как ни напускал на себя Азарцев равнодушный вид, Юля тут же почувствовала, что ему эта девушка безумно интересна. Как гончая нападает на след лисы и уже не теряет его, пока не загонит животное, так и Юля, заметив, что что-либо идет хоть чуть-чуть не так, хоть на йоту вразрез с ее планами, тут же безжалостно захватывала добычу и не выпускала ее из зубов.

– Конечно, конечно, – сказала Юлия. – И хотя мне нужно поговорить с тобой еще об одном деле, я подожду, пока ты ее осмотришь. – Она с безмятежным видом уселась в удобное кресло сбоку и сделала вид, что листает журнал.

Девушка вошла, держа в руках шарф и куртку.

– Это вы доктор Азарцев, правда? – наивно спросила она.

Юля чуть заметно хмыкнула, Азарцев не мог сдержать улыбки:

– Ну, я, моя красавица...

Девушка вправду была хороша. Тоненькая, темноволосая, с ровными дугами темных бровей, с классически ровным лбом, умными глазами. Ах, кабы не следы от ожогов, что обезображивали ей рот, спускаясь розовыми змеями по шее и подбородку! Она смотрела на Азарцева, не зная, как начать. Дикция у нее тоже была плохая – рот во время разговора

некрасиво кривился, губы не слушались. Наконец она просто протянула ему выписку из истории болезни, объяснившую Азарцеву все, что с ней случилось.

– Что ж ты не приходила больше года? – спросил он. – Раньше бы пришла, было бы проще.

– Мы вас долго искали, – ответила девушка. – Сначала не знали, где вы работаете, а потом мама продавала квартиру.

– Продавала квартиру? – удивился Азарцев.

– Чтобы деньги на лечение были, – просто ответила девушка.

Чертовы деньги! Он все время о них забывал. В те времена, когда он рос и учился, последствия ожогов, как и сотни других операций, делали бесплатно. И уж сколько лет прошло, как канули в Лету те неоднозначные времена, но Азарцев никак не мог отделаться от ощущения великой несправедливости, заключающейся в том, что человек, которому нечем платить, не имеет права на нужную ему медицинскую помощь.

– Где же вы теперь живете?

– В коммуналке. Так что деньги у нас теперь есть.

Юля выразительно подняла брови: «Это, мол, хорошо». Азарцев опустил глаза, чтобы не видеть ее знаков.

– Да, – наконец сказал он. – Эти операции дорогие.

– Мы с мамой готовы, – ответила девушка. – Только вы скажите сразу, какой будет эффект и сколько нужно денег.

– А мама где? – спросил он. – Почему она не приехала?

– Да она работает в две смены. Жить ведь как-то надо.

– А ты почему не помогаешь? Учишься, что ли?

– Я не могу учиться, – красавица потупила голову. – На меня все смотрят. Жалеют. А преподаватели не выдерживают, не могут меня слушать теперь...

– К психологу надо обращаться в первую очередь, к логопеду! – не выдержала Юля. – Это, между прочим, и гораздо дешевле. Раньше такие операции вообще не делали, и люди привыкали. И к ним привыкали. И даже не замечали этого недостатка. Главное, чтобы у человека душа была красивая!

Азарцев вздохнул. Девушка подняла на него глаза – легко говорить, пока не испытал на своей шкуре.

– Дай-ка я тебя посмотрю, клади свою одежду! – предложил он, в голове уже крутилась интересная мысль, как можно сделать операцию, чтобы убрать хотя бы один, но основной дефект.

У окна, за специально расшитой ширмой, было устроено смотровое место. Компьютер с новейшей программой, позволяющей моделировать и мягкие ткани головы, и кости черепа, стоял там же, сбоку, на отдельном столе. Азарцев усадил девушку, устроился сам, навел дополнительный свет. В течение некоторого времени до Юли доносились нечленораздельные звуки, похожие на «а», «о», «у», какое-то причмокивание, похмыкивание, отчетливо раздалось: «Открой-ка рот!», и наконец заинтересованный азарцевский возглас: «Так, так, так!»

«Ну так и есть! – подумала Юля. – Теперь он забудет обо всем на свете: и о стоимости операции и послеоперационного периода, и о том, во что обошелся новый лазер, который должен окупиться, а он непременно и его тоже захочет применить для заглаживания рубцов, а денег с нее за эту процедуру не возьмет». Юля уже будто слышала, как Азарцев сейчас начнет взахлеб рассказывать этой девчонке о том, как он планирует ее лечить, какие новшества применит.

«Ишь, – прислушалась Юля, – как у него дыхание-то перехватывает! Наверное, и глаза горят! Вот они, энтузиасты! Другими словами – дети. В строгости их нужно держать. Оку-

листа хлебом не корми, дай хрусталик какой-нибудь особенный вставить, и не просто вставить, а непременно по новой технологии; отоларингологу – косточку слуховую пересадить, сосудистому хирургу – кусок аорты вместе с верхней частью подвздошных артерий отрезать и новое соустье организовать! А толку-то от всего этого – что?! Море крови, а пользы никакой. Особенно от благотворительных операций. Парень с протезом слуховых косточек, решив, что сам черт ему теперь не брат, повадится нырять и ходить под дождем без шапки, и через пару насморков протез у него отвалится. Тот, кому подвздошные артерии заново пришили, на второй день после операции закурит, на третий запьет, а потом с новой силой начнет гонять жену, потому что у него кровоснабжение в конечностях улучшится и сил прибавится. Закончится все через пару лет, на которые продлила ему жизнь эта операция, то есть удовольствие от пьяных скандалов вся его семья будет получать еще несколько годочков. А тот, кому пересадили хрусталик, увидит все, что ему вовсе не надо было бы видеть: что жена его постарела и обрюзгла, дети – страшные эгоисты, и вообще, поймет, что он зажился на белом свете.

Юля забылась настолько, что последние предложения проговорила вслух. И опомнилась только, когда встретила удивленный взгляд девочки, вышедшей из-за ширмы, и Азарцев сказал:

– А тебе-то что за интерес всех судить? Тебе-то какое дело, как человек проживет свою жизнь: ты ведь не господь бог? И потом, то, о чем ты говоришь, вовсе не истина в конечной инстанции.

– А я про то, – сразу же нашлась Юлия, – как правильно устроено, что за все в жизни нужно платить. По крайней мере, от этих денег будет какая-то польза – докторам опыт, медперсоналу зарплата. Я тут подсчитала, пока вас не было, эти несколько операций, господин доктор, что вы намечаете, и последующее лечение обойдутся в следующую сумму... – И она назвала цифру, которая соответствовала стоимости приблизительно трехэтажного особняка не дальше десяти километров от Кольцевой дороги, на берегу озера с золотыми рыбками.

Жесткие Юлины слова не сразу дошли до тех двоих, что вышли из-за ширмы. Они уже выступали в тандеме. В глазах у девочки сияла надежда. Лицо Азарцева было наполнено тайной, известной ему одному.

«Все-таки прокручивает в башке план операции, – подумала Юлия. – Нет, эту разлюли-малину надо пресечь на корню. Чтобы не было ненужных надежд, а потом ненужных слез».

Азарцев взял у нее из рук лист с расчетами. Юлия ничего не прибавила, все было правильно. Девушка опустила голову, лицо ее потухло.

– Давай сделаем только первую часть, – чуть не просительно обратился Азарцев к Юлии, – а остальное как-нибудь позже.

– Никакого в этом нет смысла, – твердо ответила Юлия. – Через несколько лет рубцы сами собой побледнеют, а сейчас их лучше не трогать! Ну, в конце концов, потом можно будет их немножко отшлифовать.

Девушка уже чуть не плакала:

– Что же, мне на всю жизнь оставаться такой уродиной? Вы же сами сказали, что я поздно пришла! А чем больше времени пройдет, тем будет еще хуже?

– Ну не надо так сразу – «уродина»... – пожала плечами Юлия. – Если вы закроете шарфом нижнюю половину лица, то...

– Давайте подумаем, – выступил вперед доктор Азарцев. – Деньги с вас мы, конечно, возьмем, но что-то, наверное, можем сделать и бесплатно. В конце концов, все клиники оказывают пациентам посильную благотворительность!

– Я как раз о благотворительности и говорю! Вашу благотворительность, доктор Азарцев, пора прекращать! – решительно вмешалась в разговор Юлия. – Мы сейчас переживаем совершенно не тот период, и я думаю, не следует никого зря обнадеживать!

Азарцев протянул девушке карточку с номером телефона.

– Вы мне все-таки через несколько дней позвоните! Мы подумаем, чем вам можно помочь. Кстати, как вас зовут?

– Вероника. – Девушка уже без всякой надежды взяла карточку. – Вероника Романова. – Она замотала лицо шарфом, сжалась и опять стала казаться высохшим, сморщенным прутиком. Даже верхняя часть лица уже не поражала мраморной красотой.

– Ника – богиня победы, – заметил Азарцев. – Не вешайте нос! Даст бог, еще свидимся.

– Спасибо. – Ника без особого воодушевления сунула карточку в карман. Она вышла из кабинета, прошла через огромный, пустынный холл, где на огромном светлом ковре стоял закрытый рояль и щебетали среди цветов в золоченой высокой клетке до потолка разноцветные, яркие птицы – Ника не стала разглядывать их. Прошмыгнув мимо охранника, которому заплатила утром, чтобы он ее пропустил, Ника вышла из этого роскошного дома в сад и вдохнула полной грудью холодный осенний воздух.

От порога к воротам вела усаженная туями, выложенная плитами аллея. На той самой лужайке, которую Лысая Голова хотел приспособить для вертолетной площадки, пожилая женщина в резиновых сапогах возилась с кустом хризантем. Видно, они совсем недавно пошли в рост, и теперь на паре высоких стеблей уже красовались полураскрытые желтые бутоны.

Через внезапно открывшуюся калитку вошла еще одна женщина, тоже из местных. Она бережно внесла коричневую плетеную корзину, прикрытую чистой тканью. Из корзины пахло чем-то очень вкусным, печеным. Уличный охранник, вошедший за ней, тащил открытую пластмассовую коробку с овощами и плетеную сумку с отборными фруктами.

– Второй завтрак приехал! – пропела женщина, пройдя мимо Ники, и позвонила в серебристый колокольчик звонка.

«Ненавижу вас, чертовы богатеи!» – Ника опрометью бросилась за ворота этого сказочного и вместе с тем страшного замка. Уже сидя в электричке, она вдруг неожиданно прижала кулачок к самому сердцу и подумала: «А может, плюнуть на все? Деньги, раз уж квартиру все равно продали, пустить на учебу в какой-нибудь юридической академии, через пять лет стать следователем или адвокатом и всех этих богатеев засудить и отправить в тюрьму! – Она вздохнула. – Нет, если засудить, значит, надо становиться не адвокатом, а прокурором! И потом, адвокат получает гонорар, а прокурору, наверное, взятки дают. Интересно, у кого больше в месяц выходит?»

Она тщательно замотала головку шарфом, прислонилась к окну, закрыла глаза и, уже задремывая, решила: «Нет, я уж сначала позвоню через несколько дней, а потом будет видно».

Пока Ника спала под стук колес пригородной электрички, Юлия и Азарцев сидели в небольшой, очень уютной комнате, примыкающей к холлу, – так называемой буфетной-столовой. Здесь ели как больные, так и доктора, это было что-то вроде маленького кафе, с красивой резной стойкой бара, за которой стоял бармен, отпускающий всем желающим спиртные напитки.

В данный момент в комнате-кафе, сидя за столиком на двоих, покрытым льняной синей скатертью, ели так называемый ланч только Юлия и Азарцев. Владимир Сергеевич задумчиво жевал холодную, нарезанную тонкими ломтями телятину, а Юлия, посомневавшись немного, мысленно подсчитав калории и машинально втянув живот, намазывала булочку маслом и джемом.

– Булочки Антонина отлично печет, – сказала она, чтобы начать разговор. Азарцев ничего не ответил. В его голове крутились вперемешку несколько мыслей. Одну из них, тоскливо-навязчивую, он пытался настойчиво отогнать, но она не уходила. Ела ли сегодня хоть что-нибудь Тина, которую он оставил сидящей на полу в ее убогой каморке? Или опять, как раньше, только пила? Жалость и негодование к этой женщине боролись в его сердце.

«Не думай о ней, все кончено, – убеждал он себя. – Тебе там больше нечего делать. Она не настолько слаба, чтобы перестать заботиться о себе. Возможно, твои визиты ее только раздражают и расслабляют. Если у нее закончатся деньги, она будет вынуждена работать. Работа всякому идет только на пользу Недаром даже в исправительных учреждениях и психбольницах имеется отделение трудотерапии...»

Господи, – обрывал он себя, – о чем ты думаешь? Какие исправительные учреждения? Какие психбольницы? Ведь она ничего не совершила плохого, никого не убила, ни у кого ничего не украла... Ну, не хочет человек взять себя в руки, при чем здесь трудотерапия? Да пусть вообще бы никогда не работала, от этого никто не умирал. Неужели я не обеспечу ее? Но зачем она начала пить? Подумаешь, выгнали с работы, хотя она говорит, что сама ушла, – что здесь такого? Плюнь на все и иди в другую больницу! Трудовая книжка прекрасная, категория высшая, устраивайся куда хочешь! Нет, она твердит, что больше не может работать врачом. Пятнадцать лет проработала, а теперь больше не может! Чушь! Просто не хочет. Но если не хочет, так ведь и не заставлял никто. Сидела бы дома, готовила бы обед... – И сам себе же он возражал: – Нет, это ей скучно, она не привыкла быть дома. Сутками пропадала в больнице, то день, то ночь, времени не замечала. А тут целый день сиди дома. Конечно, взбесишься! То кошмары ей снятся, то призраки мерещатся... То она будто видит собаку, то мужа, то сына...

А может, это болезнь? – похолодело в его душе. – Но тогда надо лечиться, а как лечиться, если она никуда не идет, никаким доводам не доверяет! Затащить насильно? Связать? О господи, что за бред! Но все-таки, ела ли она хоть что-нибудь сегодня?»

Юлия медленно прожевала последний кусок – аппетитную, поджаристую корочку и отхлебнула кофе из изящной маленькой чашки.

«Узнать бы, о чем он думает, – соображала она. – С чего лучше начать, чтобы не вызвать у него негативной реакции...»

– Ну, и что ты думаешь по поводу Лысой Головы? – решила она начать с того, что ее больше волновало. – Достанем мы деньги к зиме?

Разговор с Магометом прокручивался в голове Азарцева параллельно мыслям о Тине. На третьем месте оставался возможный план операции Ники, которую он только что осмотрел. В нем проснулся тот самый азарт, сродни азарту чемпионов, которым хочется сразиться с достойным противником. «Как бы уговорить Юлию дать согласие на бесплатную операцию? – размышлял он. – Какое ей дело, если я, хирург, не возьму с этой девочки денег? А уж за Юлины послеоперационные курсы лечения, за лазерную шлифовку пусть платят». Ему же вознаграждением будет успех. Такие травмы встречаются не так уж часто. Первым был как раз Лысая Голова, после него Азарцев прооперировал еще двух больных. Как хотелось ему поставить эти операции на поток! Ах, какой новый, красивый сформировал бы он девочке рот! Углубил бы подбородочную ямку, за счет этого стала бы сексуально выпячиваться нижняя губа... Целоваться и разговаривать точно стала бы лучше! Он улыбнулся.

– И ты улыбаешься? – подняла высоко нарисованную бровь Юлия. – Скажи, пожалуйста, конкретно и членораздельно, о чем все-таки вы договорились?

– Ну ты же слышала. – Азарцев спустился с небес. – Сегодня его люди приедут за деньгами. А насчет зимы – вопрос пока открыт.

– Но он, по-моему, не захотел давать нам отсрочку?

– Кажется, не захотел. Но, в конце концов, над ним ведь тоже кто-то есть. Он обещал передать мою просьбу.

– Но если нет, все наше дело развалится?

– Почему? Можно будет попробовать перезанять деньги.

– Хочешь связаться с банками? Под бешеный процент? И у кого? А им чем будем отдавать?

– Может быть, к весне подвалит побольше народа. Будут операции, будут и деньги. Ты же понимаешь, конкуренция сейчас в косметологии просто сумасшедшая! Мы делаем все, что можем. Такой клиники больше ни у кого нет, ты же знаешь.

Юля с раздражением опустила чашку на блюдце.

– Клиники такой больше ни у кого нет, но у нас и дохода хорошего нет! Рентабельность оказалась вовсе не такой, на которую мы рассчитывали. И ты не догадываешься почему?

– Почему? – В некоторых вопросах Азарцев на Юлию полагался. Что-то, а практическая сметка у нее развита была очень сильно.

– Потому что ты меня не слушаешь! Трудно выжить на одной косметологии, надо внедрять более широкие формы! Вот посмотри, у нас и все виды операций, и лазер, и мезотерапия, и озон, и эмбриобласт, и электролиполиз, и ароматерапия, а ты думаешь, о чем спрашивают по телефону?

– О чем? – Азарцев доел всю телятину и машинально искал, что бы еще подцепить на вилку. Юля, ярая поборница диетического питания, особенно для других, подсунула ему капустный салат.

– Спрашивают, можно ли у нас похудеть, нарастить ногти, сделать пирсинг и даже... аборт!

– Может быть, они забывают, что звонят в косметологическую клинику?

– Ничего не забывают! Просто хотят получить три в одном! Полный комплекс медицинских услуг в одном флаконе.

– Ну уж аборт в косметологической клинике – это нечто!

– Об аборте потом. А сейчас я хочу тебя спросить, ты все-таки собираешься внедрять глубокое очищение кишечника или нет?

– Я думал об этом. – Азарцев с отвращением отодвинул салат и взялся за булочку с джемом. – Тина была права в смысле физиологии. Проводить очищение кишечника в настоящей медицинской клинике как-то неэтично. Сама представь, закачивать в кишечник десять литров воды!

– Не воды, а специального раствора.

– Все равно. Я не гастроэнтеролог, но мне эта идея не нравится.

– Ты так горячо это отвергаешь! Можно подумать, обсуждал эту процедуру со своей пассией сегодня всю ночь напролет! – ехидно скривила рот Юля.

– Я прошу тебя в сотый раз, – Владимир Сергеевич перестал жевать, – не касаться этой темы.

– Ой, какие мы нежные! – Юля вынула пудреницу и стала поправлять помаду. – Какие мы целомудренные! Ночуем на старой квартире, а к любовнице приезжаем по утрам. В то время, как нам давно надо решать производственные дела!

– Юля, ты что, следишь за мной? Я же говорил тебе, Тина больна! Оставь ее в покое!

– Ну прямо, больна! – Юля решительно захлопнула пудреницу, насмешливо посмотрела Азарцеву в глаза. – Перепила, наверное, в очередной раз! Я тебе рассказывала, в каком виде увидела ее случайно возле метро? Газеты продавала. А у самой руки так тряслись, что сдачу отсчитать не могла.

– Юля, перестань. Лучше скажи, Оля ушла в институт?

– Конечно, ушла. Куда же ей еще идти? Такая же медуза, как ты! Девчонке восемнадцать лет, а ходит постоянно сонная, будто муха. Ни одного парня у нее нет и не было. И ты совсем не думаешь, за кого ее замуж выдавать? Нельзя же быть такими... аморфными! – Юля с трудом нашла нужное слово. И действительно, дочь стала в последнее время раздражать Юлию своей непохожестью на нее. – Да, Ольге не выжить без нас, – констатировала в который раз Юлия и помассировала в задумчивости лоб. – Остается одно – делать деньги. Чтобы у дочери был запас. Покупать на ее имя недвижимость. Две квартиры, три дачи, украшения ей мои отойдут. Ничего, если раскрутимся с клиником, можно справиться!

– По-моему, ты к ней придираешься, – заметил Азарцев. – Девочка спокойная, учится в институте, вовремя приходит домой... Что тебе еще надо!

– Пора уже ей определяться и становиться самостоятельнее! Посмотришь – другие и вертятся, и крутятся, и сами устраиваются и здесь и там. А наша без понукания – никуда.

– Ты понукай, понукай, да не перегни палку! Не все же такие бешеные, как ты.

– Ну да! Это с тобой твои родители вечно тряслись как с писаной торбой! Как же, единственный генеральский сынок!

– Юля! – Азарцев положил на стол нож, которым хотел намазать на булку масло. – Ну что ты за человек?! Жить не можешь без того, чтобы кого-нибудь не укусить! Ты бы себе хоть любовника какого-нибудь завела! Все было бы легче!

– Т-шш! Ты в своем уме! Всюду уши! Я хочу, чтобы люди, работающие здесь, думали, что мы с тобой муж и жена! А укусить мне легче всего тебя. И не понарошку, а вправду! – Юля выставила вперед свои шикарные челюсти и пару раз щелкнула зубами. Азарцев в ужасе отпрянул.

– Опять эти глупости!

Она придвинулась ближе, протянула губы к самому его уху.

– Пойми, вдвоем людьми управлять гораздо легче!

– У тебя мания какая-то – всеми управлять.

– Ну ладно, дорогой, ближе к делу. И прекрати наконец уже есть. Ты растолстеешь и перестанешь влезать в деловой костюм.

– Новый куплю. – Азарцев взял из вазы, стоящей на буфетной стойке, большой апельсин и пару бананов. – Мне дома неохота готовить. Я ем только здесь, а после восьми, как рекомендуют все порядочные диетологи, я пишу не принимаю.

– Ну хорошо. Теперь слушай внимательно, у меня есть конкретное деловое предложение. Оно позволит поправить наши дела.

– Да? – не проявил особого энтузиазма Азарцев. – Интересно, какое? – Ему уже ужасно надоел этот разговор с Юлей и хотелось побыть одному, сесть за компьютер и снова как следует обдумать возможности операции.

– Тоня, можете убирать со стола! – крикнула в проем двери Юля. – Булочки ваши выше всяких похвал!

– Кушайте на здоровье, – подобострастно ответила Тоня и поспешила составить на тележку посуду, оставшуюся от завтрака. Азарцеву она подала чистую тарелку и фруктовый нож. На Юлию старалась не смотреть – боялась. Азарцев и вправду замечал, что пристальный взгляд очень светлых Юлиных глаз выносили не все. «Пожалуй, в ней есть все-таки нечто змеиное, – подумал он. – Кролики ведь тоже предпочитают не смотреть на удава».

– Ты хоть задумывался, почему у нас действительно так мало богатых клиентов? – спросила его Юлия, как только Антонина отошла подальше.

– Задумывался, конечно, – ответил спокойно Азарцев. – Может, реклама поставлена слабо. А может, мы действительно зря забрались так далеко. Деловым людям до нас далеко добираться.

– Не дальше же, чем в Швейцарию? – фыркнула Юля. – Однако туда добираться у них время есть. А ты видел, с каким носом привезли девочку на прошлой неделе из Лондона? А туда тоже ехать не ближний свет!

– Почему же тогда они едут все-таки в Лондон, а не к нам?

– А потому что, когда спрашивают, где они худели, им приятнее отвечать: «На берегу Женевского озера». В Швейцарии, а не в Подмосковье! А когда их спрашивают, где они переделявали нос, они принимают небрежный вид и пожимают плечами: «В Цюрихе, естественно!» А то, что в Цюрихе они, по сути, никто, а лишь богатые придурки, с которых можно безбоязненно стричь купоны, они не понимают. Поэтому потом и приезжают с такими носами! – И Юля сделала выразительный и потешный жест.

– Ну и что из этого следует?

– А то, что удивляюсь, куда смотрели твои глаза и о чем думали твои мозги, когда ты затевал все это дело!

– Но ты же прекрасно знаешь, как возникла идея создать клинику. Старый кооператив, в который входила дача моих родителей, перепродали и перекупили. Наследникам предложили – или участвуйте в новом разделе, или получите по тысяче долларов за землю и идите вон. А место-то, посмотри, здесь какое хорошее! Озеро, лес, красота! Лысая Голова как раз тогда отвалил мне за операцию денег да еще дал в долг хорошую сумму. И я собрался построить здесь дом. Собственный дом, с видом на озеро. И сохранить на память отцовскую дачу. Пусть там не топлено, холодно, треснуло большое стекло в эркере (кстати, давно пора заменить, все забываю сказать), а я как зайду туда, так снова чувствую себя маленьким мальчиком...

– Проснись! Ты уже теперь достаточно большой мальчик! – грубо перебила его Юля. – Я эту историю слышала тысячу раз. И про то, как Лысая Голова начал капать, что такие доктора, как ты, должны иметь собственное место работы и что на Западе у людей такой квалификации имеются собственные клиники. И про то, как он свел тебя с нужными людьми и помог выкупить эту землю и взять кредит... Я все это знаю. Жаль только, что он не рассказал тебе, что надо здесь как-то выживать! Но это сейчас расскажу тебе я. Слушай внимательно.

Азарцев покрутил на столе апельсин.

– Будет интересно узнать.

– Нам надо перестать парить в небесах и переориентироваться на средний класс!

– Но средний класс не потянет наших цен, а мы тогда не сможем платить проценты и содержать здесь все в таком виде, как сейчас.

– Будем стараться. Если не прошла формула «не числом, так умением», значит, надо будет все-таки брать числом!

– Это ты опять насчет очищения кишечника, что ли?

– Да бог с ним, с очищением, оно все равно уже выходит из моды, господа этим уже накушались. Нам надо внедрить нечто другое!

– А что именно? – с подозрением спросил Юлю Азарцев. Что-то уж слишком блестели у нее глаза.

– Аборт в день обращения. – Она посмотрела на него победно. И пока Азарцев отходил от долгого и надсадного кашля, она взяла у него из рук апельсин и спокойно очистила его специальным ножом.

– Ты в своем уме? Аборт в косметологической клинике! – Азарцев с трудом успокоил дыхание. – Да кто нам лицензию даст?!

– Насчет лицензии я тебя умоляю! – Юля спокойно разделала апельсин на ровные дольки. – С гинекологом я уже поговорила, и ты его знаешь. Это наш старый знакомый, прекрасный врач Борька Ливенсон, если ты помнишь, он же у меня роды принимал, когда я Олю

рожала. У него высшая категория, он кандидат наук, есть лицензия, все в порядке. А с СЭС я договорюсь точно так же, как договаривалась всегда.

– А где мы эти абортыв будем делать? В нашей немецкой операционной, которая стоит два миллиона?

– Зачем? Как раз в том самом доме твоих родителей, в который ты так любишь до сих пор заходить. Сделаем там ремонт, в твоей бывшей детской – маленькую операционную, в гостиной палату на четыре-пять коек, в кабинете отца – ординаторскую, и дело пойдет!

– Это невозможно! – воскликнул Азарцев. – Этот дом для меня слишком дорог. Он мое последнее прибежище. Ты же знаешь, я так и не купил себе квартиру. Хотел построить дом – связался с этой клиникой. И кстати, тебе же самой нравилась эта идея! Заиметь собственную косметологию, в которой ты уж могла бы развернуться!

Он вспомнил ту маленькую квартирку на Юго-Западе, в которой ночевал сейчас и которую получил его отец еще до того, как стал генералом. Азарцеву не хотелось ее обустроить. Он думал, там будет жить Оля, когда окончит институт. Если честно, у него были связаны с этой квартирой не самые лучшие воспоминания. В ней так и осталось все так, как было, когда они только начали встречаться с Юлией. Родители тогда уже жили здесь, на так называемой даче, а у них там была бурная молодая жизнь, постоянно толпились гости, на одном диване ночевали минимум шесть человек... И все тогда было не так, как сейчас.

– И ты жалеешь, что у тебя теперь собственная клиника? – Юлия наклонилась и снизу посмотрела на него. Азарцеву показалось, что в лицо ему заглянуло чудовищное животное, наделенное нечеловеческим, странным, немигающим, очень светлым взглядом. «Ну, чистый удав!» – содрогнувшись, подумал он.

– И между прочим, когда ты погорел первый раз на строительстве той больницы, я тебя не бросила! Это ты ушел от нас с Олей. – Юлия отодвинулась и сделала вид, что смахнула слезу.

– Это правда, что ты не бросила, – сказал Азарцев. – Это правда, что я ушел. Я подлец, извини. Но поэтому мы и работаем вместе. Если бы из семьи ушла ты, а не я, ни о каком сотрудничестве и речи бы не было.

– Но все-таки почему ты ушел? – Юлия протянула к рукаву его пиджака когтистую лапку.

– Дорогая, ни один мужчина не вынесет, если его постоянно называть идиотом. Учти это на будущее, когда будешь снова выходить замуж.

– Я не собираюсь снова выходить замуж! – вскипела Юлия. В ее глазах засверкали опять злые огни. – Я считаю, что я уже замужем. За тобой! Что с того, что мы не спим! Зато мы вместе владеем этой клиникой. Вернее, владеешь ты, а работаю – я. А идиотом не надо быть, тогда и называть так тебя не придется. Так ты согласен на устройство гинекологического отделения?

– Нет, Юлия, нет! В материальном плане это мало что даст. Аборты стоят недорого, а я потеряю дом.

– Сейчас можно делать не только аборты. Разрешено прерывать беременность на любом сроке!

– Как это – на любом? И в восемь, что ли, месяцев тоже? – изумился Азарцев.

– Ну, у тебя правда куриные мозги! – не выдержала Юлия. – Ничего-то ты не знаешь, кроме своих операций. Имеются так называемые социальные показания. Приходит, допустим, женщина, говорит: «Вот, я без мужа, беременна, приехала с Украины, жить не на что, прописки нет, работы нет. Прервите мне беременность, а то я порешу ребеночка и сама потом утоплюсь!»

– И что, прерывают?

– Естественно, прерывают. Ведь если она этого ребеночка родит и оставит в Доме ребенка, кормить-то его кто-то должен будет! А налогоплательщики у нас сейчас сам знаешь какие! На детей, пенсионеров, инвалидов денег и так не хватает. Поэтому разрешено беременность прерывать на любом сроке по желанию женщины.

– Но ведь это узаконенное убийство! – с недоумением посмотрел на Юлию Азарцев.

– Опять ты о высоких материях! А войны – не узаконенное убийство? Нам надо думать, как бы нас самих не пустили под нож!

– Юля! Что у тебя всегда за выражения! Но скажи, если у женщины нет денег на содержание ребенка, откуда она возьмет кругленькую сумму на то, чтобы эту нежелательную беременность прервать?

– Не будь ты таким уж наивным! На такие вещи женщины всегда деньги находят. К тому же клиника наша в лесу, от города далеко, ляжет сюда, полежит, никто ничего не узнает. Два-три дня отдохнет и выпорхнет на свободу. Еще, может, даже захочет пройти курс косметических процедур. Отбеливающие маски, массаж... При беременности ведь часто возникают проблемы с лицом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.